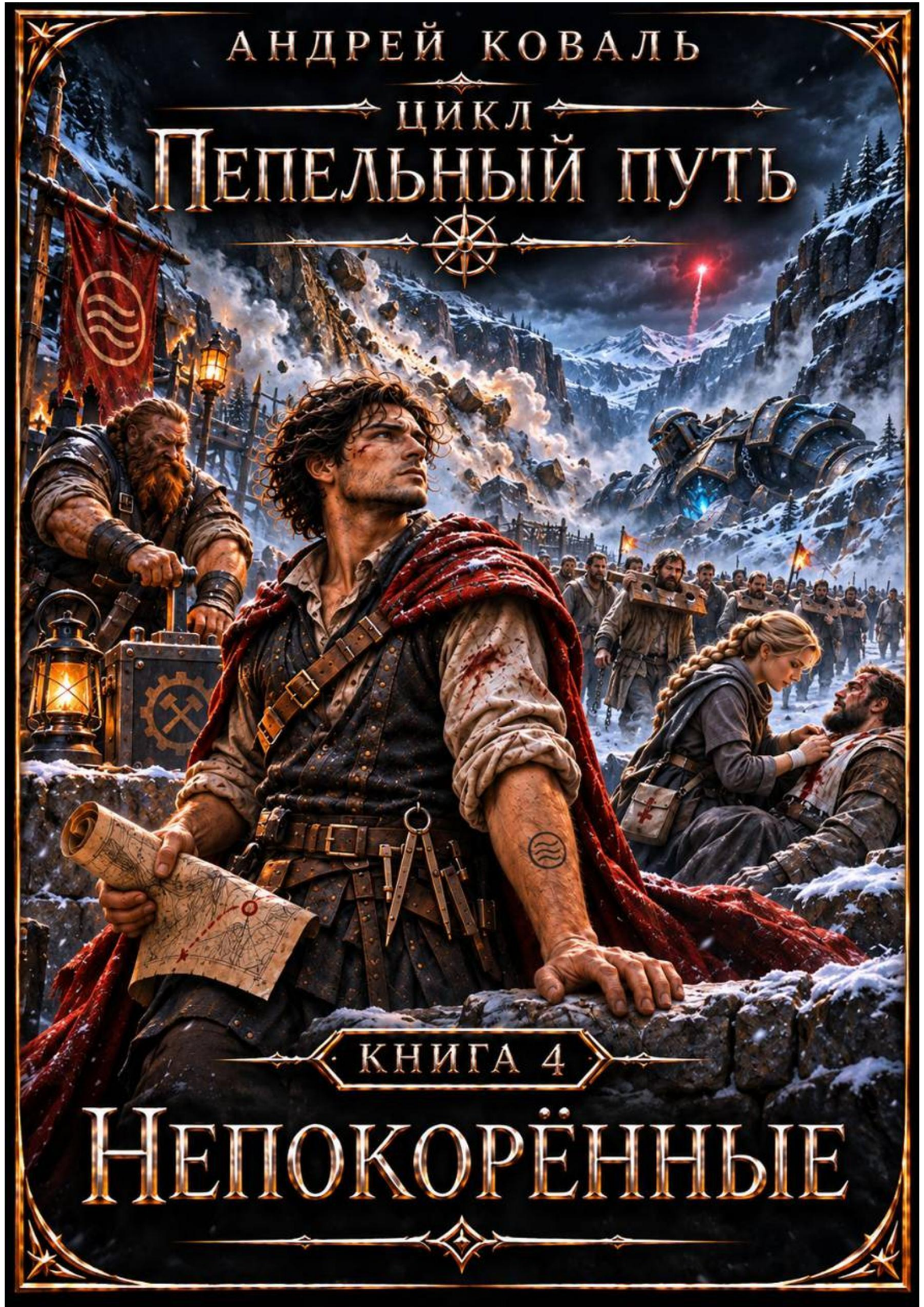

АНДРЕЙ КОВАЛЬ
ЦИКЛ
ПЕПЕЛЬНЫЙ ПУТЬ
КНИГА 4
НЕПОКОРЁННЫЕ

Андрей Коваль

Пепельный путь. Книга 4: Непокорённые

«Автор»
2026

Коваль А.

Пепельный путь. Книга 4: Непокорённые / А. Коваль — «Автор», 2026

Свободу недостаточно обрести. Иногда за неё приходится платить кровью.К Красным горам движется многотысячная армия магистра ВэлШана. Против магов, наёмников и боевых машин Древних встают те, кого ещё недавно считали собственностью.Лекс, инженер из другого мира, готовится принять сражение, от которого зависит судьба бывших рабов. Однако даже победа не принесёт долгожданного покоя. Наследие исчезнувшей цивилизации хранит опасные тайны, боги вмешиваются в дела смертных, а вчерашнего освободителя пытаются превратить в пророка.Но Лекс не желает становиться ни господином, ни избранником богов.В мире, где веками учили подчиняться, рождается народ, который учится быть свободным.

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Те, кого ведут 5
Акт I. Час расплаты 9
Глава 1. Западня 10
Глава 2. Сбор туч 23
Глава 3. Песни перед боем 31
Глава 4. Ночь, когда камни запели 45
Глава 5. Линия Клыка 53
Глава 6. Цена ночи 60
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Пепельный путь. Книга 4: Непокорённые

Пролог. Те, кого ведут

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры
Восточная дорога. Обоз армии Вэл'Шана, за несколько дней до Ущелья Скорби

Ефросинья перестала спрашивать, сколько им осталось идти, ещё на втором месяце.

Те, кто знал дорогу, отвечали по-разному: до следующего постоя, до брода, до перевала, до места, где магистр решит остановиться. Охранники называли расстояния лигами, погонщики — сменами упряжи, носильщики — количеством ночей, после которых ноги всё ещё поднимали тело с земли. Сначала Ефросинья пыталась складывать эти ответы, потом поняла, что для неё в них нет самого важного: ни один человек, знавший маршрут, не собирался спрашивать, хочет ли она туда идти.

На третьем месяце дорога стала каменистой и холодной.

Небо по утрам висело низко, на ремнях застывала белая корка, а колёса, ещё недавно легко оставлявшие след в грязи, теперь с треском давили тонкий лёд в колеях. Ночью ветер пробирался под навесы, и деревянная колодка на шее холодила кожу так, что Ефросинья просыпалась от каждого поворота головы. От постоянного трения на ключице образовалась ссадина. Сначала она пыталась подкладывать под край воротника лоскут ткани, но тот быстро сбивался; приходилось снимать его, пока дерево не затянуло вместе с мокрой рубахой.

Руки у неё были свободны. Это не считалось милостью: носильщик с привязанными руками плохо держал груз. Шейные колодки удерживал общий запор. На стоянках охранники проверяли, не разошлись ли деревянные щёки и целы ли крепления. За их исправностью следили внимательнее, чем за ногами людей.

Сегодня колонну подняли до рассвета. Ефросинью поставили у заднего края обозной секции — вместе с людьми, которым полагалось переносить мешки с зерном от телег к кухонным котлам и обратно. Смена их работы зависела не от часов, а от того, когда начальник обоза решал переставить часть повозок. К полудню Ефросинья уже дважды таскала один и тот же мешок. Первый раз — с телеги в сухую нишу под каменным выступом. Второй — обратно, когда оказалось, что стоянку здесь не устроят.

— Прикажут ещё раз, — сказал рядом Фома, подхватывая верёвочную петлю. — Не торопись радоваться.

— Я и не радуюсь.

— Правильно. Плохая привычка в обозе.

Фому она знала только по имени и по тому, как он работал. Он почти не разговаривал в пути, зато замечал, когда ремень протёрся о край бочки, а когда в связке груза есть лишний узел, который потом не развяжешь на морозе. Некоторые называли это мастерством. Ефросинья считала, что просто у человека осталось желание сделать работу так, чтобы она не убила следующего, кому её поручат.

Сейчас Фома возился с пологом грузовой телеги. Шнур внизу обледенел, один колышек расшатался, и ветер отрывал ткань от борта. Если оставить так до ночи, внутрь набьётся снег, зерно намокнет, а за испорченное заставят отвечать тех, кто разгружал.

— Держи, — сказал он.

Ефросинья прижала край полога к дереву. Фома попробовал выбить колышек, но тот не поддался. Он оглядел телегу, достал из-под борта тонкий обрезок кожи, продел его через два целых крепления и подтянул. Полог перестал хлопать, хотя и остался натянут неровно.

— До ночи выдержит, — решил он.

— Если ветер не переменится.

— Если переменится, переделаем. Другого шнура у меня нет.

Он сказал это спокойно, как человек, которому не нужно доказывать, будто беду можно исправить хорошим настроением. Ефросинья отпустила полог и размяла ладони. Кожа на пальцах потрескалась, ногти были набиты серой грязью. Под кромкой рубахи зудела ссадина от колодки.

— Вы двое! — крикнули от соседней повозки. — Котлы на третью телегу. Живо!

Говорил человеческий стражник, молодой, с красными от холода ушами. Наёмник, судя по поясу и снаряжению. Ефросинья не знала, как его зовут; в отличие от носильщиков, стражники не считали нужным представляться тем, кого гнали.

Они перенесли первый котёл вместе с Фомой. Второй был меньше, но внутри что-то громыхало. Ефросинья остановилась, проверила крышку и увидела, что деревянный клин, которым её прижимали к ободу, выпал. Клин валялся в двух шагах от колеса.

— Дальше! — прикрикнул стражник.

— Сейчас вывернется крышка, — сказала Ефросинья. — На спуске ударит по ногам.

— Тебя спросили?

Она молча поставила край котла на камень и показала на ослабленное крепление. Стражник оглянулся в сторону начальника секции. Ему явно не хотелось спорить из-за посуды на виду у старших, но ещё меньше — оказаться виноватым, если котёл покатится под колёса.

— Поправь. И быстро.

Фома поднял клин и подбил его плоским камнем, не повредив обод. Котёл снова подняли на телегу. Ефросинья не торжествовала. За два месяца она успела убедиться: в обозе человеку разрешали быть правым только тогда, когда это сохраняло имущество хозяев.

К раздаче воды их поставили уже после обозной охраны.

В открытых бочках плавали тонкие льдинки. Вода пахла деревом, промасленной верёвкой и длинной дорогой. Раздатчик отмерял кружки без злости и без доброты, внимательно

следя, чтобы никто не подставил ладони второй раз. Два охранника стояли рядом не потому, что боялись нападения, а потому, что без них люди могли бы попросить ещё.

Ефросинья выпила половину кружки сразу. Остаток оставила на несколько глотков, пока раздатчик не отвернулся к следующему человеку. Дальше ей снова предстояло тащить груз, а пить на ходу было трудно: край колодки упирался под подбородок, мешал запрокинуть голову. Приходилось поворачивать чашу боком и проливать на рубаху больше, чем хотелось.

Недалеко от бочки женщина пыталась поднять сына с земли. Мальчик был ещё достаточно мал, чтобы мать могла бы нести его, если бы сама не выбилась из сил. Он закашлялся, прижимая кулак ко рту. Женщина укрыла его краем своего плаща и посмотрела на воду, но место в очереди уже заняли другие.

Ефросинья задержалась. В кружке оставалось совсем немного, и она знала, что к вечеру будет жалеть о каждом глотке. Но мальчик продолжал кашлять, а женщина стояла растерянно, будто сама не понимала, что просить прежде: воды или разрешения посидеть.

— Возьми, — сказала Ефросинья, протягивая кружку.

Женщина сначала покачала головой.

— Тебе самой…

— Я ещё могу говорить. Значит, не совсем пересохла.

Мальчик выпил два маленьких глотка, потом закашлялся снова. Мать придержала кружку, пока он не закончил, и вернула её пустой.

— Спасибо.

— Не за что. Только его к костру вечером посадите, если получится.

— К какому костру? Нас дальше гонят.

Ефросинья посмотрела на движение у телег. Погонщики действительно уже затягивали ремни. Двое магов спорили возле тяжёлой закрытой платформы, которую люди обходили широкой дугой. Один из механизмов под чехлом глухо стукнул, и ящер в соседней упряжке потянулся назад, закладывая голову.

— Тогда хотя бы под полог, — сказала Ефросинья.

Она не знала, удастся ли это. Обещать здесь было легко только тем, кто сам не тащил мешков.

Фома ждал её возле телеги. Он видел пустую кружку и ничего не спросил. Вместо этого подвинул к ней верёвочную петлю с более широким захватом — ту, что не так сильно резала ладонь.

— Возьми эту.

— У тебя самого руки целее не стали.

— Я тяжелее тебя. Значит, пусть мне достанется плохая.

— Очень научное рассуждение.

— Иного в обозе не выдают.

Ефросинья усмехнулась, хотя губы потрескались и от улыбки стало больно. Она взяла петлю и поправила край колодки на шее. Дерево никуда не делось. Дорога оставалась той же, а охранники уже звали людей к повозкам.

В соседней секции писарь переписывал номера. Две телеги переставили в другое место, и теперь ему приходилось переделывать всю строку. Ефросинья слышала, как он бранился, называя носильщиков «шестая партия», «восьмая пара», «оставшиеся». Когда у него не сходился счёт, он не спрашивал имён — просто заставлял людей пройти перед ним ещё раз.

На третьем проходе он остановил Ефросинью:

— Ты откуда?

— С задней телеги.

— Номер?

Она назвала тот, которым её звали на работах. Писарь поставил зарубку и махнул рукой.

— Дальше.

Ефросинья пошла. Она не стала объяснять, что у неё есть имя. Не потому, что забыла его или согласилась с писарем. Она видела охранника в двух шагах, помнила, что за лишний разговор можно остаться без вечерней порции, и не собиралась доказывать свою правоту человеку, который смотрит не на лица, а на дощечку. Имя оставалось при ней, даже когда она произносила чужой номер.

Колонна двинулась к вечеру. Сначала прошёл передовой отряд, затем выстроились обозные повозки. Людей ставили по два к каждой гружёной телеге: если колесо увязнет или ящер оступится, нужно будет подталкивать. Фома оказался по другую сторону борта. Ефросинья шла рядом с его плечом, стараясь не потерять равновесие на камнях.

Вдоль дороги тянулись незнакомые горы. Там, за серыми склонами, скрывалось место, ради которого собрали столько солдат, магов, наёмников и машин. В обозе ходили слухи о беглых рабах, которые перестали прятаться, и о человеке, чьё имя охрана произносила только с руганью. Кто-то уверял, что у него целая армия. Другие говорили, будто он не может поднять собственный меч. Ефросинья не знала, чему верить, и не собиралась строить жизнь на слухах.

Она смотрела под ноги.

У самого края дороги лежал небольшой плоский камень. Если колесо налетит на него, заднюю телегу качнёт; груз стоял высоко, и плохо закреплённый котёл мог снова сорваться. Ефросинья окликнула Фому, показала вниз, и они вдвоём столкнули камень с колеи, пока повозка ещё не подошла. Погонщик даже не обернулся. Он продолжал смотреть вперёд, туда, где у следующего поворота уже исчезали первые ряды войска.

Фома выпрямился и пошёл дальше.

— Можно было оставить, — сказал он негромко. — Пусть сами расхлёбывают.

Ефросинья покосилась на котёл, потом на людей, идущих у колёс.

— Если он упадёт, первыми задавит нас.

— Тоже верно.

До следующей стоянки они больше не разговаривали. Каждый шаг отдавался в стёртых пятках; колодка тёрла ссадину, горы понемногу терялись в сумерках. Ефросинья устала настолько, что даже представлять себе свободу было тяжело. Слова «домой», «уйти», «выбрать» сделались слишком большими для этого узкого участка дороги между двумя телегами.

Зато оставались вещи поменьше. Она могла заметить плохо закреплённый груз. Могла поделиться водой и потом не жалеть об этом вслух. Могла не забывать, что мальчик под пологом — не «лишняя пара ног», а ребёнок, которому холодно. Могла помнить собственное имя.

Впереди на повороте зажгли сигнальный фонарь. Охранник приказал ускорить шаг.

Ефросинья прибавила ходу ровно настолько, чтобы не попасть под колесо.

Она ещё не знала, что ждёт их за горами. Но знала: до следующего утра надо дойти живой.

Акт I. Час расплаты

«Камни запели, и кровь оросила кристаллы. Час расплаты настал». — из песни беглых рабов

Глава 1. Западня

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры

Ущелье Скорби оправдывало название не видом, а тем, как заставляло человека думать.

С обеих сторон поднимались почти отвесные стены серого камня, местами сходившиеся так близко, что зимнее небо превращалось в бледную полосу над головой. На дне лежал туман — не красивый белый покров, а холодная влажная масса, которая забиралась под ворот, оседала на тетивах, превращала камни в скользкие ловушки и делала любое расстояние обманчивым. Там, где карта обещала сорок шагов открытого места, глаз видел десять; там, где тропа казалась прямой, из молока внезапно выступала скала.

Лекс стоял у края верхней террасы и не пытался увидеть ущелье целиком — целиком его здесь не видел никто.

За предыдущие четыре дня Клык прогнал по склонам три разведывательные пары. Пётр с Павлом дважды прошли восточный верхний ярус, Игнат проверил старую охотничью тропу к северному выходу, а Тимон ещё в крепости нанёс на карту те дороги, которыми пользовались валтарские обозы. Лекс свёл сведения на один лист, но не превращал линии в истину: у каждого прохода стояла дата последней проверки и имя того, кто по нему ходил.

На западном краю карты две тропы были перечёркнуты красным углём. Первая действительно обрывалась после зимнего осыпания. Вторая оставалась проходимой для людей, но не для тяжёлого обоза и механизмов. Третью Клык не перечеркнул — поставил рядом знак вопроса.

— Если Драконов решит бросить телеги и големов, — сказал он утром, — часть пехоты может полезть там.

— Сколько?

— Не знаю. По одному — пройдут. Сотня — тоже, если не спешит. Тысяча превратит тропу в очередь.

— Значит, наблюдение оставляем.

Клык кивнул, будто именно это и хотел услышать.

Сейчас сталкер сидел на корточках у полосы влажной осыпи и разглядывал след, который Лекс сначала принял за царапину от упавшего камня. Шило, стоявший рядом, заметно берёг правую ногу на спуске; плечо уже позволяло работать арбалетом, но тяжёлый колчан он носил слева и при каждом повороте корпуса на мгновение задерживал дыхание.

— Ну и дыра, — сказал Шило. — Хуже той шахты под Механосом, где Клык три часа убеждал меня, что мы не заблудились.

Клык не поднял головы.

— Мы не заблудились.

— Поэтому вышли на два дня позже.

— Потому что ты потерял сапог.

— Это был не сапог, а стратегический запас кожи.

Демид, стоявший чуть выше, фыркнул. Его предплечье после ранения у склада давно зажило, но тонкий рубец ещё розовел, и Зураб пока не позволял ему работать без наруча.

Лекс дал им договорить. Клык продолжал разглядывать осыпь, а Шило между шутками прислушивался к туману. Оба знали, когда пора замолчать без чужой команды.

На камне перед Лексом лежали три вещи: карта, записная дощечка и браслет.

Браслет не рисовал готовую схему недр и не сообщал, где надо сверлить. Он показывал только локальные отклонения поля в нескольких шагах от владельца — разницу, которую ещё нужно было понять. Лекс включал эфирное зрение короткими сеансами, не больше нескольких минут подряд: после покушения Родион оставил ему не только рубец на левом плече, но и хорошее напоминание, что любой организм имеет предел. Он уже мог свободно двигать рукой, однако при долгом напряжении мышца тянула, а после эфирного зрения к обычной тяжести в висках добавлялась тошнота.

Лекс сравнивал отклонения поля вдоль трещин с тем, что Клык и Кор-Дум уже отметили на камне. Инженерный опыт подсказывал, где искать напряжение, но не объяснял, как поведёт себя незнакомая порода; поэтому он спрашивал местных мастеров.

— Здесь я бы поставил пару, — сказал он, проводя углём короткую линию возле выступа. — Если снять эту опору, верхняя плита должна уйти вниз.

Кор-Дум, поднявшийся к ним по узкой полке, даже не посмотрел на линию. Сначала ударил молотком по камню в трёх местах, приложил ладонь к поверхности, потом присел и ковырнул щель остриём короткого зубила.

— Не сюда.

Лекс убрал уголь.

— Почему?

— Потому что ты видишь трещину, а я вижу, куда она продолжится. Рванёшь здесь — отщёлкнешь этот кусок. Шуму будет на полгоры, а проход останется.

Он сдвинулся на пять шагов и ткнул рукоятью молота под тёмный слой породы.

— Вот сюда. Камень сверху тяжёлый, нижний пласт мокрый и уже поплыл. Ударишь в основание — сам поедет.

Лекс включил зрение ещё на несколько вдохов. Линия, которую он считал второстепенной, действительно уходила глубже и сходилась с другой зоной напряжения.

— Принимается.

— И не делай такое лицо. Ты инженер. Я триста лет камень слушаю.

— Я как раз поэтому тебя позвал.

Кор-Дум хмыкнул и громко крикнул вниз:

— Брун! Вторую точку переносим на южную полку. Старая отметка — отмена!

Из тумана донеслось раздражённое:

— Я это вчера говорил!

— Вчера ты говорил про другую полку, старый гриб!

— Потому что вчера ты другую показал!

Шило наклонился к Демиду.

— Вот так выглядит дворфийская научная дискуссия. Главное — не находиться между оппонентами.

— Я всё слышу! — одновременно гаркнули Кор-Дум с верхней полки и Брун из тумана внизу.

Демид перестал улыбаться.

Лекс, наоборот, коротко усмехнулся и вернулся к карте. Ему нравилось, что спор происходит сейчас, когда камень ещё цел, а не после сигнала.

✦

Кор-Дум. Камень и счёт

Восемь зарядов выглядели слишком маленькими для ущелья.

Кор-Дум знал, что это хороший признак. Подрыв всегда становился особенно опасным, когда человек начинал верить весу мешка больше, чем месту, куда этот мешок положит.

Два заряда остались после удара по Северной дороге, ещё шесть Брун с помощниками собрал в Дурине из шахтного состава, кристаллических запалов и новых медных дорожек. Кор-Дум знал происхождение каждого и требовал проверки по пяти пунктам: оболочка, масса, партия смеси, проводник, запал. На его деревянной дощечке стояли восемь строк и восемь меток.

Шесть шли в основную схему обвала — по три на две опорные зоны. Два оставались резервом и лежали в сухой нише у Бруна до тех пор, пока не станет ясно, что основная цепь действительно цела.

— Ещё раз, — сказал Кор-Дум.

Один из молодых подрывников, Ингвар, вздохнул, но повторил:

— Первый заряд — на северной полке. Второй и третий — под нижним пластом. Провод идёт по внутренней щели, потом в каменный желоб. Проверка только ручным прибором. Никаких пробных импульсов после установки запала.

— Южная?

— Та же схема: один заряд на полке, два под нижним пластом. Только второй провод поднят выше, чтобы вода не попадала на соединение.

— Если оборвётся основная линия?

— Не бегу чинить под колонной. Сообщаю Бруну. Он решает, использовать ли резерв.

— Если Брун орёт «беги чинить»?

Ингвар посмотрел на старика.

Брун мрачно уставился в ответ.

— Сначала уточню, не сошёл ли мастер с ума.

— Правильно, — сказал Кор-Дум. — Команда, которая убивает подрывника без пользы, не становится хорошей только потому, что её дал старший.

Брун недовольно засопел, но спорить не стал.

Эта фраза появилась после Кости.

Точнее, после его первого взрыва, ещё учебного, когда они все слишком легко решили, что правило достаточно написать на доске. С тех пор Кор-Дум всё чаще ловил себя на неприятной мысли: ремесло состоит не только в том, чтобы сделать вещь рабочей. Нужно ещё сделать так, чтобы человек мог ошибиться и не умереть от первой ошибки.

У войны было плохое чувство юмора. Она давала для проверки таких мыслей настоящие жизни.

Ниже, на естественных террасах, уже стояли все три «Крохи», а не две передовые установки, как в первоначальной схеме.

Первые две смотрели на центр ущелья под разными углами; третью Кор-Дум упрямо оставил на второй линии, за боковым выступом. Если передовые расчёты придётся отводить, резервная установка прикроет отход и не окажется под тем же обвалом.

Боевых снарядов для всех трёх было восемнадцать — по шесть на ствол. Больше до кампании сделать не успели. Каждый снаряд лежал отдельно от запала в пронумерованном гнезде деревянного короба.

У двух «Громов» было двенадцать выстрелов — тоже по шесть. Демид командовал первым расчётом, Олаф — вторым. Оба орудия Кор-Дум приказал поставить так, чтобы после третьего выстрела расчёт мог откатить станину в укрытие, проверить крепления и только потом продолжать. Старая ошибка — «пока стреляет, стреляй» — в этой войне уже обходилась слишком дорого.

Торгрим сидел рядом с первой «Крохой», вытянув раненую когда-то голень. Ходил он уже без палки, но после долгого подъёма нога наливалась тяжестью, поэтому таскать плиту или снаряды Кор-Дум ему запретил. Зато как командир расчёта молодой дворф оказался полезнее двух здоровых носильщиков.

Прохор проверял таблицу углов. Костя сидел у закрытого короба с запалами и держал руки на коленях.

— Повтори, — сказал Торгрим.

Костя закатил глаза, но послушался:

— Снаряд беру только после команды. Номер называю вслух. Запал ставлю после проверки корпуса. Перед заряжанием — «ствол свободен». Торгрим подтверждает. Если выстрела нет — никто не суёт внутрь второй снаряд. Ждём установленное время, закрываем позицию и вызываем Бруна или Кор-Дума.

— Кто может отменить выстрел?

— Любой в расчёте, если видит опасность.

— Даже я?

— Даже ты.

— Даже если Прохор орёт, что цель уйдёт?

Прохор поднял обе руки.

— Я больше не ору.

— Врёшь, — сказал Костя.

— Но стараюсь.

Торгрим удовлетворённо кивнул.

Кор-Дум не вмешивался. Именно ради этого Костю после аварии не выгнали из расчётов навсегда: наказание, которое только убирает человека подальше от опасной вещи, не учит его работать правильно. Мальчишка разбирал брак, учился на чужих отказах, проходил каждую процедуру заново и теперь знал цену словам «ничего страшного» лучше большинства.

Костя взглянул на Торгрима. Тот спокойно кивнул, и мальчишка снова опустил руки на колени, дожидаясь команды. За месяцы работы они привыкли проверять друг друга даже в мелочах.

— Прохор, — сказал Кор-Дум.

— Мастер?

— Доложи боезапас.

— Первая «Кроха» — шесть корпусов, шесть запалов отдельно. Вторая — шесть. Резервная — шесть. Ни одного на стволах, ни одного рядом с горном или открытым огнём. Короба закрыты до сигнала.

— «Громы»?

Демид ответил со своей террасы:

— По шесть. Первый номер осмотрен утром, второй тоже. После доставки обе станины проверены ещё раз. Крепёж держит.

— Древние винтовки?

Клык, проходивший выше, остановился.

— Три. Сто восемьдесят снарядов выданы на позиции — по шестьдесят. Остальные восемьдесят остаются во втором складе у медицинского грота. Стрелки: Игнат, Павел и Марк. Не Лекс.

Кор-Дум довольно хмыкнул.

— Последнее особенно правильно.

Лекс, оказавшийся достаточно близко, чтобы услышать, поднял бровь.

— Я тоже вас слышу.

— И хорошо. Командир, который во время боя занят тем, что красиво стреляет, обычно плохо командует.

— Уже понял. Командовать и красиво стрелять одновременно у меня плохо выходит.

Кор-Дум подождал привычного возражения, но Лекс молчал. Дворф поправил ремень молота и продолжил.

— Тогда ещё одно, — сказал дворф. — Когда начнётся, не лезь к зарядам. Это мой участок.

— Твой.

— И к «Крохам» не бегай объяснять, куда стрелять. Прохор получает цели от Клыка. Торгрим решает, может ли расчёт выполнить задачу.

— Прохор получает цели, Торгрим командует расчётом. Я не лезу.

— И если я скажу, что обвал не готов, ты не запускаешь подрыв никакой своей древней железкой, чтобы «помочь».

— У меня и нет железки, которая взрывает ваши заряды.

— Тем лучше.

Брун громко фыркнул.

— Запишите дату. Кор-Дум доволен тем, чего у Лекса нет.

— Работай, старый гриб.

✦

Айрин. Дорога назад

Айрин начала подготовку не с лазарета, а с пути к нему.

В настоящем бою бесполезно иметь чистые бинты и две работающие капсулы, если раненого несут к ним через место, по которому бегут отступающие, катят орудие и сыплются камни. Поэтому утром она заставила Клыка пройти с ней весь западный склон от передовых позиций до большого грота, где предполагалось развернуть перевязочный пункт.

Клык шёл первым и помечал мелом опасные места. После каждого вопроса Айрин ему приходилось останавливаться и ещё раз смотреть на тропу.

— Здесь носилки проходят?

— Если боком.

— Значит, не проходят. Расширяем.

— Камень твёрдый.

— Тогда ищем другой путь.

— Другой длиннее.

— Живой раненый переживёт лишние пять минут. Раненый на носилках, застрявших в щели, — не всегда.

На третьем таком споре Клык перестал возражать и начал считать повороты глазами Айрин.

Основной сборный пункт устроили в глубоком гроте на западной стороне, ниже стрелковых позиций, но выше дна ущелья. С прохода грот не просматривался, зато была вода из тонкой трещины, ровная площадка и два выхода. Второй, меньший пункт Влада развернула за северным выступом — для тех, кого нельзя будет сразу перенести по основной тропе.

Никаких древних капсул сюда не тащили. Две действующие оставались в крепости: слишком тяжёлые, слишком ценные и слишком зависимые от питания. В ущелье были обычные носилки, шины, жгуты, кипячёная ткань, вода, иглы, обезболивающие настои и три маленьких древних диагностических прибора, которые показывали пульс, дыхание и признаки внутренних повреждений.

Агафья руководила первым пунктом. Влада — вторым. Айрин оставалась мобильной и должна была идти туда, где появится больше тяжёлых.

— Мне не нравится слово «мобильная», — сказала Агафья, когда услышала план. — Оно у вас всегда значит, что человек будет бегать, пока не свалится.

— Я не буду бегать.

— Врёшь.

— Тогда буду бегать с водой.

— Уже лучше.

На камне перед ними лежали дощечки: номера носилочных групп, маршруты и время пути от каждого сектора до перевязочного пункта. Ни одного имени. Айрин провела пальцем вдоль одной из линий, проверяя повороты.

Две группы обслуживали нижнюю линию Зураба. Две — склоны Клыка. Одна закреплялась за тяжёлыми расчётами. Ещё две оставались резервом и не имели права уходить с пункта без приказа Агафьи или Влады.

— Если начнётся общий отход? — спросила Влада.

Айрин показала на вторую линию карты.

— Сначала тяжёлые, которых можно переносить. Потом те, кто может идти с помощью. Лёгкие идут сами. Орудия не перекрывают медицинскую тропу — я уже добилась от Кор-Дума отдельного спуска.

— Добилась? — раздалось от входа.

Кор-Дум стоял в проходе, широко расставив ноги.

— Я сам предложил.

— После того как я сказала, что разобью тебе голову носилками.

— Это называется профессиональное обсуждение.

Агафья довольно кивнула.

— Нормальные люди так и работают.

Айрин улыбнулась и снова стала серьёзной.

— Есть ещё одно. Если «Кроха» или «Гром» повреждены и лежат на пути эвакуации, их бросают. Никакого «там хороший ствол», «мы его месяц делали», «Кор-Дум убьёт».

Дворф открыл рот.

Закрыл.

— Люди раньше железа, — сказал он наконец.

— Вот теперь запишем.

— Не надо. Я сам запомню.

У выхода Айрин встретила Лекса.

Он пришёл проверить не бинты и не капсулы, а связь между секторами. На шее под курткой висела простая земная цепочка; никакого холода, предупреждения или чуда от неё не исходило. Левое плечо уже двигалось свободно, но Айрин заметила, что после долгого спуска он разминает пальцы.

— Болит?

— Тянет.

— Это значит «болит».

— Немного.

— Значит, вечером мазь и тепло. И никаких попыток тащить раненых одной рукой, если начнётся бой.

— Я вообще-то хотел руководить.

— Отличная мысль. Попробуй впервые.

Он усмехнулся.

— Кор-Дум примерно то же сказал.

— Умный дворф.

Они остановились над гротом. Внизу Агафья заставляла двух носильщиков снова укладывать свёртки, потому что жгут оказался под бинтами, а не сверху. Клык на соседнем склоне проверял линию сигнальных постов. Всё происходило без Лекса.

Айрин посмотрела на него.

— Непривычно?

— Что?

— Что люди делают работу без твоих указаний.

Лекс помедлил с ответом.

— Раньше я бы полез проверять каждый узел.

— Знаю.

— Сейчас тоже хочется.

— Тоже знаю.

— Но если план держится, только пока я бегаю между участками, это не план.

Айрин слегка коснулась его здорового плеча.

— Вот это можешь записать.

✦

К вечеру карта перестала быть планом и стала местностью.

Клык поставил на верхних ярусах Петра, Павла, Игната и стрелковые пары. Шило получил западный карман скалы и две группы арбалетчиков — достаточно близко, чтобы поддерживать Зураба внизу, но не настолько высоко, чтобы его правая нога превратила отход в отдельную операцию. Зураб занял нижнюю линию тяжёлой пехотой и сам выбрал место, откуда мог видеть оба выхода из центра ущелья. Кор-Дум и Брун оставались у подрывной позиции. Демид и Олаф отвечали за «Громы». Торгрим, Прохор и Костя — за передовую «Кроху»; вторым расчётом командовал один из мастеров Бруна, резервным — Еремей, уже восстановившийся после перелома руки настолько, чтобы работать рычагами, но не таскать тяжести.

Места бойцам определяли командиры участков.

Лекс по очереди обошёл их и каждому задал один вопрос:

— Что делаешь, если связь пропала?

Клык ответил первым:

— Держу высоты до двух рогов отхода. Если вижу, что нижняя линия ломается раньше, отхожу по западной тропе, не дожидаясь твоей команды.

Зураб сказал:

— Не гонюсь за отступающими в туман. Если обвал разделил колонну — держу проход, а не ищу славы. Если голем прорывается — расступаемся, не пытаемся рубить железо топорами.

Кор-Дум:

— Если основная цепь молчит, Брун проверяет провод по индикатору. Людей под скалу не посылаем. Резерв используем, только если цель ещё под нужной полкой. Иначе заряды остаются на месте.

Айрин:

— Если два пункта переполнены, прекращаю принимать лёгких. Они уходят в крепость своим ходом с сопровождающим. Капсулы не обещаю никому заранее.

Демид:

— Если «Гром» после выстрела сместился — не стреляю, пока не проверю станину. Даже если перед нами сам Вэл'Шан.

Торгрим:

— Если Костя суёт второй снаряд в занятый ствол, я ломаю ему руки.

— Это не процедура, — сказал Костя.

— Зато надёжная.

— Процедура? — уточнил Лекс.

Костя вздохнул.

— Невыстрел — отмечаем. Никто не трогает ствол до окончания выдержки. Расчёт уходит за экран. Потом мастер решает.

— Вот так и работаем.

Последним был Грымза.

Он пришёл с пятёркой гоблинов, верёвками, крючьями, короткими ножами и мешками, которые Шило немедленно назвал «мешками для блестяшек».

Грымза оскорбился.

— Это грузовые мешки. По договору.

— Конечно.

— И сначала люди.

Шило перестал улыбаться.

Гоблин ткнул когтем в карту.

— Мы в дренажных щелях. Когда низ закрыт камнем, лезем к раненым, которые упали туда, где большие не пролезут. Верёвки — людям. Потом, если безопасно, снимаем с мёртвых то, что дядя Зиг оценит.

— Только после сигнала Клыка, — сказал Лекс.

— Я договор помню.

— И в бой не лезете ради добычи.

Грымза посмотрел на него почти обиженно.

— Мёртвый торговец плохо торгуется.

Шило кашлянул, пряча смех.

Связь строилась на трёх уровнях. На близких участках — условные свистки. Между высотами и дном — рога: один длинный означал «готовность», два коротких — отход с передовой, три — общий отход к западному проходу. Для подрыва использовали красную сигнальную ракету, которую должен был запустить не Лекс, а наблюдатель Клыка после двух подтверждений: центр колонны входит под отмеченную полку и рабы-носильщики не находятся в основной зоне обвала. На случай тумана у Кор-Дума был отдельный связной, который видел наблюдателя.

Магических переговоров не было. То, что Вэл'Шан мог перехватить или почувствовать, не использовали.

Четыре боевых глушителя распределили тоже заранее. Один оставался с мобильной группой Лекса, второй — у Зураба на нижней линии, третий — у западного прохода для прикрытия эвакуации, четвёртый лежал в резерве. После нескольких месяцев доработки каждый уверенно подавлял активную магию примерно в девяти-десяти метрах, но устойчивое окно не превышало нескольких десятков секунд; потом кристалл нужно было охлаждать и проверять. Никаких пяти минут тишины на всё ущелье.

— То есть, — сказал Шило, — если маг стоит в одиннадцати метрах, он снова маг?

— Примерно, — ответил Лекс.

— Ненавижу точные науки.

— Девять-десять — это как раз неточно.

— Тем более.

На вопрос Демида об Ущелье Скорби Лекс ответил не сразу: заранее знать решение Вэл'Шана никто не мог.

— Его тяжёлый обоз и големы почти наверняка пойдут здесь, — сказал он. — Это подтверждают карты, люди Тимона, наблюдение Саввы и следы подготовки на восточном тракте. Но если Драконов разделит войско, часть пехоты может обойти. Поэтому Пётр держит северную тропу, а у крепости остаётся резерв. Мы не ставим всё на одну дорогу.

Клык удовлетворённо кивнул.

— Наконец-то.

— Что?

— Ты сказал «почти».

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

Лекс посмотрел на карту; Клык действительно не шутил.

— Тогда запишем как прогресс.

✦

Ночь перед боем они провели не в одном большом гроте и не у весёлого костра.

Слишком много людей уже занимали позиции. Слишком опасно было собирать командиров в одном месте. В каждом секторе горели маленькие закрытые жаровни, дым от которых уходил по щелям. Еду разнесли ещё до темноты: густая каша, сушёное мясо, горячая вода с травами. Никто не пил крепкого.

Лекс обходил только командные точки и к полуночи вернулся в маленькую нишу рядом с западным медицинским гротом. Там уже сидели Айрин, Клык и Шило; Зураб пришёл позже, когда передал нижнюю линию заместителю, Кор-Дум — ещё через полчаса, пахнущий маслом и каменной пылью.

Разговор сначала не клеился. Все знали, что утром часть сидящих здесь может не увидеть следующего вечера, и слишком хорошо помнили предыдущий костёр, где можно было позволить себе истории без отсчёта времени.

Шило нарушил тишину первым.

— Степан бы сейчас сказал, что мы выбрали самое мерзкое место для ночлега из всех возможных.

Клык посмотрел на него.

— Степан говорил это в любом месте.

— Потому что у него были стандарты.

— У него была дырявая палатка.

Шило усмехнулся, затем опустил взгляд на кружку.

— Егор тоже бы ворчал. Пахом начал бы проверять чужие узлы. Малой…

Он остановился.

Клык провёл большим пальцем по краю ножен.

— Малой полез бы туда, куда не просили.

— И получил бы по голове.

— Дважды.

Шило замолчал и снова опустил глаза к кружке. Клык убрал руку от ножен. Несколько дней назад они уже провели вечер у костра, вспоминая погибших по именам; сегодня хватило нескольких слов и паузы, которую никто не спешил нарушать.

Зураб сидел напротив, грел ладони о кружку и молчал. На поясе под одеждой у него по-прежнему была обгоревшая деревянная кукла Любавы. Он не вынимал её даже сейчас, слушая, как Шило с Клыком произносят имена погибших. Только крепче обхватил тёплую кружку.

Кор-Дум первым поднялся.

— Мне через три часа менять Бруна.

— Спи, — сказал Лекс.

— Сам догадался.

Он уже дошёл до выхода, когда обернулся.

— Командир.

— Что?

— Если утром увидишь, что у меня что-то пошло не так, не спасай подрыв. Спасай людей.

— Знаю.

— Я знаю, что знаешь. Хочу, чтобы услышал ещё раз.

— Услышал.

Кор-Дум ушёл.

Клык отправился следом через несколько минут. Шило пожаловался, что его выгнали именно тогда, когда грибной отвар начал становиться съедобным, и похромал на свой участок.

Остались Лекс и Айрин.

Айрин проверила повязку под рубахой и кожу возле рубца. За день Лекс не раз взбирался по склонам и дважды пользовался эфирным зрением, так что на его уверения, будто всё в порядке, она полагаться не собиралась.

— Чисто, — сказала она. — Плечо?

— Тянет.

— Голова?

— Терпимо.

— Тошнота?

— Немного после второго сеанса.

— Значит, утром никаких длинных просмотров. Только короткие подтверждения, если обычный наблюдатель не видит.

— Ладно. Только короткие проверки.

Айрин подняла глаза: обычно Лекс спорил гораздо дольше.

— Я взрослею.

— Не делай резких заявлений перед боем.

Лекс улыбнулся и прислонился затылком к камню.

Снаружи ветер изменился. Туман не рассеялся, наоборот, становился плотнее. Где-то вверху один раз крикнула ночная птица.

— Страшно? — спросила Айрин.

— Да.

— Что именно?

Лекс помолчал.

— Что мы хорошо подготовились и из-за этого начнём считать, будто всё контролируем. Что какая-нибудь мелочь окажется не такой, как мы думали: мокрый провод, другой маршрут, человек, который испугается, камень, который пойдёт не туда.

— То есть боишься реальности.

— В целом — да.

— Полезный страх для инженера.

Он посмотрел на неё.

— А ты?

— Что носилок не хватит.

Ответ пришёл сразу.

— Не лекарств?

— И лекарств. Но лекарства можно делить. Носилки либо есть в момент, когда человек не может идти, либо его тащат на плаще и теряют время. Поэтому я боюсь носилок.

Лекс кивнул.

Никаких «всё будет хорошо».

Айрин подвинулась ближе и положила голову ему на здоровое плечо.

— Поспи хоть два часа.

— Ты?

— После тебя.

— Это не работает.

— Тогда вместе.

Они устроились у стены, укрывшись одним плащом. Сон пришёл не сразу, но пришёл.

✦

Перед рассветом туман стал настолько густым, что противоположная сторона маленькой ниши исчезла за белой взвесью.

Лекса разбудил связной Клыка, осторожно тронув за сапог. В густом тумане его силуэт проступал едва заметно.

— Движение на востоке. Первый пост снялся по графику. Второй видел передовой дозор. До входа в ущелье — меньше часа, если идут тем же темпом.

Лекс сел.

Плечо отозвалось тупой болью, голова была ясной.

Айрин уже натягивала перчатки.

— Началось?

— Подходят.

Связной добавил:

— Клык просил: никаких команд наверх. Он видит свой участок.

— Передай: понял.

Айрин усмехнулась.

— Даже через связного воспитывает.

Они разошлись у медицинского грота. Айрин ушла вниз к Агафье, Лекс — к мобильной группе за центральным выступом. Он пересчитал восьмерых бойцов, двух связных, один боевой глушитель, запасной кристалл и короб сигнальных средств. Больше полагаться было не на что: остальное зависело от связи между участками.

На ходу он проверил земную цепочку. Металл был просто холодным от утра.

Так было лучше.

У первой наблюдательной щели Лекс встретил Клыка. Сталкер лежал на камне, укрытый серым плащом, и смотрел вниз.

— Авангард прошёл дальний маркер, — сказал он. — Четыре десятка или больше. Туман режет видимость. За ними слышу тяжёлое.

— Магическая разведка?

— Два раза было свечение над туманом. Наших не нашли.

Лекс опустился рядом и на несколько вдохов включил эфирное зрение.

Мир стал болезненно ярче, но не прозрачнее. Туман по-прежнему скрывал тела; сквозь него проступали только близкие активные источники — несколько магических всплесков впереди колонны, слабые кристаллы на снаряжении и где-то дальше тяжёлые, медленные пульсации, которые могли принадлежать большим механизмам.

Он выключил зрение, прежде чем начала расти боль.

— Есть сильные источники за передовым дозором. Что именно — не вижу.

— Значит, ждём, пока увидим сами, — сказал Клык.

— Ждём.

Они не передали сигнал на подрыв.

Лекс сжал пальцы на краю камня: пока Клык не увидит центр колонны, спешить нельзя.

Туман донёс стук копыт, потом металлический звон, приглушённые голоса. Где-то далеко ругнулся возница. Камень под ладонью Лекса едва заметно задрожал.

Сверху прозвучал один длинный сигнал рога.

Готовность.

Сигнал прошёл по постам — к Кор-Думу, Зурабу, тяжёлым расчётам и медицинским пунктам. Лекс прислушивался к коротким командам со склонов: никто не ждал его подсказки.

На террасе первой «Крохи» Торгрим поднял ладонь. Прохор открыл короб с первым снарядом. Костя вслух прочитал номер и положил запал рядом, не соединяя.

У «Грома» Демид проверил станину в последний раз и убрал ключ в карман.

На нижней линии Зураб заставил одного бойца переставить ногу — мокрый камень под сапогом был хуже любого эльфа.

В медицинском гроте Агафья разложила жгуты поверх бинтов, как требовала сама, и Влада проверила второй выход.

Кор-Дум сидел рядом с Бруном у подрывной коробки. Перед ними лежала дощечка с восемью строками: шесть зарядов в скале, два резерва в сухой нише.

— Ну? — шепнул Брун.

— Что «ну»?

— Ничего. Нервничаю.

Кор-Дум посмотрел на него.

— Триста лет взрывчатку делаешь.

— Поэтому.

✦

Грымза. Под камнем

Гоблины сидели в дренажной щели ниже западной тропы.

Людям здесь было бы тесно. Грымзе — нормально. Он проверил верёвку, крюк, короткий нож и два пустых мешка. Один действительно предназначался для вещей, которые по договору можно будет забрать после боя. Второй — для бинтов, воды и маленьких инструментов.

Младший племянник Зига, Чик, шепнул:

— Много эльфов будет?

— Много.

— Много блестяшек.

Грымза ткнул его пальцем в лоб.

— Сначала живые. Потом блестяшки.

— Я знаю.

— Тогда почему говоришь наоборот?

Чик подумал.

— Блестяшки веселее.

— Вот когда вытащишь человека из щели и не уронишь, тогда будешь весёлый.

Грымза выглянул наружу.

Туман скрывал ущелье, но звук становился плотнее. Металл. Шаги. Скрип телег.

Он видел Лекса всего несколько раз и не считал его ни пророком, ни великим шаманом. Человек был хитрый, любил считать и слишком часто задавал вопрос «откуда это взялось». Зиг говорил, что с такими торговаться тяжело, зато договор потом не меняется от настроения.

Этого Грымзе хватало.

Он подтянул ремень.

— Сигнал Клыка. Не раньше.

Пять маленьких голов кивнули.

✦

Передовой эльфийский дозор вошёл в Ущелье Скорби на рассвете.

Лекс увидел первого всадника обычным зрением — тёмный силуэт вырос из белой мглы и снова исчез. За ним второй. Третий.

Никто не выстрелил.

Дозор прошёл под первой полкой, остановился, послал вперёд двух пеших разведчиков. Один ткнул копьём в груду камней, за которой накануне лежал Кор-Дум. Там уже никого не было.

Пешие вернулись.

Колонна двинулась дальше.

Минуты растянулись.

Потом из тумана пришёл более тяжёлый гул.

Не один механизм. Несколько.

Клык медленно поднял два пальца, но не дал сигнал. Наблюдатель на дальнем посту должен был подтвердить положение центра колонны.

Лекс дышал через нос и считал не секунды, а собственные вдохи. На двадцатом ему захотелось снова включить эфирное зрение. Он не включил.

На тридцать втором сверху донёсся короткий свист.

Подтверждение первого поста.

Ещё через несколько мгновений — второй.

Клык посмотрел на Лекса.

— Тяжёлые внутри. Обоз за ними. Рабы пока за дальней отметкой.

— Тогда ждём ещё.

Клык не спорил.

Гул приближался. Камень под ладонью дрожал уже отчётливо.

Где-то в тумане протяжно зазвучал вражеский рог.

Ответа ущелье не дало.

Пока.

Глава 2. Сбор туч

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры
Вечер накануне вступления армии Вэл'Шана в Ущелье Скорби

Вэл'Шан считал лагерь не по кострам.

Костры обманывали: один горел на десяток наёмников, другой — на целую сотню обозных рабочих, третий разжигали только для котлов, четвёртый разводили рядом с лазаретной палаткой, где огонь был нужен не людям, а воде. Считать по шатрам было ещё глупее. Эльфийские офицеры тащили в поход столько ткани, будто собирались доказывать положение дома шириной полога, а люди Крейна спали вповалку под одним промасленным навесом и считали это достоинством. Поэтому на столе Вэл'Шана лежали реестры.

Не родовые — те он перестал принимать всерьёз после совета у Валтара. Поимённые списки рот, ведомости выдачи провианта, число тягловых животных, число возов, магических кристаллов, лекарей, кузнецов, ремонтников и рабов-носильщиков. Всё, что можно было проверить, Драконов поручал перепроверять другому человеку. Всё, что нельзя, помечалось отдельно. Даже после этого цифра получалась неприятно приблизительной.

Около пяти тысяч человек, эльфов, дворфов-наёмников, драконидов, орков и обозных рабочих должны были утром двинуться на запад. Из них далеко не каждый был бойцом. Несколько сотен управляли телегами, несли грузы, обслуживали тягловых ящеров, чинили упряжь, поддерживали големов и разворачивали полевые кухни. Три тяжёлых конструкта требовали отдельного сопровождения, запасных кристаллов и ремонтной команды. Маги имели собственный обоз. Наёмники требовали корм, который был обещан договором. Дракониды — мясо, и заменить его кашей без последствий было нельзя. Эльфийские копейщики Валтара

отказывались ночевать рядом с орками, после чего приходилось удлинять лагерь ещё на поллиги. Армия выглядела огромной только издалека. Вблизи она распадалась на обязательства.

Вэл'Шан стоял на пригорке над лагерем и смотрел, как внизу двое писарей сверяют номера на бочках с зерном. Ветер тянул с запада, и от него пахло не дымом, а мокрым камнем — тем самым ущельем, до которого оставалось меньше суток. Один из писарей то и дело опускал дощечку, встряхивал затёкшую кисть и снова принимался сверять номера. Вэл'Шан отметил: к утру такой писарь начнёт путать записи.

Через дорогу от них ругались погонщики: один ящер сорвал упряжь и разбил колесо. Чуть дальше маги технической группы сняли внешний кожух с переднего сустава одного из «Церберов» и спорили о трещине на креплении. На восточном краю лагеря наёмники Крейна ставили дополнительный ряд кольев, потому что ночью исчезли две лошади. Кто их украл — рабы, гоблины-маркитанты или собственные конюхи, — пока не выяснили. Эта пёстрая, плохо спаянная армия всё же могла сокрушить крепость Лекса — при условии, что дойдёт до поля боя, не растеряв боеспособности по дороге.

С пригорка лагерь казался почти образцом порядка. Внизу он пах мокрой шерстью, навозом, дешёвым жиром из котлов, кровью из лазаретной палатки и резким озоном от открытых магических накопителей. Сквозь этот запах шёл непрерывный шум: молотки ремонтников, ругань погонщиков, кашель носильщиков, скрип осей, короткие команды на трёх языках. Вэл'Шан различал в нём не хаос, а нагрузку на систему. Запах горелого металла означал ремонт. Слишком частый крик ящера — плохую упряжь. Долгая тишина возле одной из кухонь могла означать, что там уже нечего варить.

— Магистр.

Адъютант остановился в трёх шагах и дождался, пока Вэл'Шан повернётся.

— Доклад передовой разведки.

— Говори.

— Две пары прошли три лиги от восточного входа в Ущелье Скорби. Следов крупного отряда не обнаружили. Один старый костёр на северной полке, не моложе пяти дней. Свежие следы людей есть, но мало. Возможно, охотники или наблюдатели.

— «Мало» — сколько?

Адъютант опустил взгляд на дощечку. Он перевернул её, будто надеялся найти на обратной стороне более удобный ответ.

— Первая пара считает, что здесь было шесть-восемь человек. Вторая уверенно различила следы четырёх, остальные наложены.

— Так и записывай. Не складывай оценки.

— Да, магистр.

— Магический поиск?

— Дважды. Фон в ущелье неровный из-за породы и старых кристаллических жил. Крупных постоянных контуров не обнаружено. В нескольких местах импульс гаснет быстрее нормы.

Вэл'Шан протянул руку. Адъютант отдал табличку. На полях стояли три подписи: разведчиков Валтара, мага Магистериума и человека Драконова. Три источника надёжнее одного, хотя до уверенности было по-прежнему далеко.

— Драконов видел?

— Да. Просит изменить порядок движения: усиленный авангард, интервалы между крупными частями и отдельное прикрытие обозов.

— Разумно.

Адъютант явно ожидал другого ответа.

— Магистр… барон Валтар настаивает: медленное прохождение ущелья даст мятежникам время отойти.

— Валтар не командует колонной.

— Я передам.

— Не передавай. Он уже знает.

Адъютант ушёл. Вэл'Шан ещё раз посмотрел на запад. Ущелье Скорби было плохим маршрутом. Он знал это ещё до того, как увидел первую карту. Северный обход выводил к старым пастушьим дорогам, но тяжёлые платформы с големами там не проходили. Чтобы перебросить их, пришлось бы разобрать механизмы, отправить часть по отдельным дорогам и потерять минимум пять-шесть дней при хорошей погоде. Южный путь был шире, зато растягивал марш почти на девять лиг и выводил колонну к открытой долине, где снабжение пришлось бы вести по дороге, уже дважды атакованной людьми Лекса. Отказаться от големов можно было, но тогда он сам выбрасывал одно из немногих преимуществ, которое противник ещё не видел в бою. И всё же дело было не только в големах.

За последний месяц Лекс ударил по дороге, оружейному складу и узлу связи. Три точные диверсии. Никакой попытки удержать территорию, никакого открытого боя. Это можно было читать по-разному. Вэл'Шан читал так: противник умеет действовать малыми группами и не хочет встречаться с превосходящим войском в поле. Следовательно, задача Вэл'Шана — вынудить противника принять бой. Если армия ещё неделю будет обходить горы, Лекс получит время укрепить базу, вывести семьи, заминировать новые подходы, поднять ещё беглецов на полях и сделать то, что делал лучше всего: превратить задержку врага в собственную организацию. Ущелье сокращало путь, одновременно предлагая Лексу почти идеальное место для засады. Ни одним из этих обстоятельств Вэл'Шан не мог пренебречь.

Вэл'Шан не любил решения, в которых приходилось выбирать между двумя рисками, но война редко предлагала другие.

Он убрал табличку с донесением и направился к командному шатру. За ним двинулся Молчаливый Страж.

✦

Совет начался с еды и закончился бы ею же, если бы Драконов не велел убрать блюда со стола. Валтар посмотрел на пустое место перед собой так, словно лишение жареной птицы было оскорблением рода.

— Мы ещё не закончили ужин.

— Ужин закончен, — сказал Драконов. — Завтра колонна идёт через ущелье. Мне нужны командиры, а не гости.

Крейн фыркнул, но отодвинул кубок. Селена закрыла веер и положила его поперёк колен. Морвуд придвинул карту ближе к себе. Напротив баронов сидели представители тех частей, без которых союз распался бы ещё до первого перехода: Боргун Железный Лоб, командир дворфских наёмников; Грук Разящий Клык от орочьих рот; Раххар из Прайда Кровавого Когтя, присланный Крэшем; два старших мага Магистериума и начальник обозной службы. Грук сидел вполоборота: ему не хватало места за столом, а когда Валтар повысил голос, широкая ладонь орка сама собой легла на рукоять ножа. У начальника обозной службы были чернильные пальцы и вид человека, который уже посчитал завтрашний день и не нашёл в нём ничего хорошего.

Вэл'Шан дождался тишины.

— Драконов.

Одноглазый военачальник поднялся и встал у карты.

— Ущелье проверяли трижды. Крупных сил у входа не нашли. Это не значит, что их нет. Следы наблюдателей есть. Магический фон местами плохой. Поэтому порядок такой: впереди двадцать разведчиков, за ними две роты лёгкой пехоты. Не дворфы и не тяжёлые копейщики — люди, которые могут уйти назад, если увидят проблему.

Боргун хмыкнул одобрительно.

— Через триста шагов — моя передовая группа, — продолжил Драконов. — Потом две части копейщиков Валтара. Големы не идут вместе. Между платформами — не меньше сотни шагов и по отдельной группе магов обслуживания. Обоз делим на три секции, между ними — охрана и свободный промежуток. Дракониды замыкают и держат боковые тропы.

— Ты растянешь колонну на пол-ущелья, — сказал Валтар.

— Именно.

— Если ударят по голове, хвост не сможет помочь.

— Если ударят по центру, одна атака не накроет всё сразу.

Валтар повернулся к Вэл'Шану.

— Ты согласен с этим?

— Да.

— Мы теряем скорость.

— Меньше, чем потеряем, собирая пять частей в одну пробку.

Селена тихо сказала:

— Наконец кто-то произнёс слово «пробка» до того, как она случилась.

Крейн посмотрел на неё недовольно.

— Вы все обсуждаете это так, будто за каждым камнем сидит армия Лекса.

— Нет, — ответил Вэл'Шан. — Если бы я считал, что за каждым камнем армия, мы не шли бы туда. Я считаю, что там могут быть наблюдатели, отдельные устройства и подготовленные позиции.

Боргун положил обе руки на стол.

— Подрыв?

— Возможен.

— Тогда мои не пойдут под отвесными стенами плотной коробкой.

— Поэтому и интервалы.

— И если почую свежую работу по камню, остановлю свою часть, даже если твой маг будет орать «вперёд».

Один из старших магов Магистериума холодно повернул голову.

— Ты не отличишь природную трещину от…

— Я сорок лет ставлю подпорки в шахтах, ушастый. А мой отец ставил до меня. Камень я отличу.

Вэл'Шан поднял руку, прежде чем спор стал привычным.

— Боргун имеет право остановить свою группу при признаках подрыва. Дальше решение принимает Драконов после доклада.

Маг помолчал.

— Принято.

На прежнем совете спор о том, кому позволено остановить войско, затянулся бы надолго. Теперь старший маг умолк, а Боргун получил право отвечать за своих людей.

— Теперь связь, — сказал Драконов.

Старший маг разложил три маленьких кристалла.

— В ущелье эфирная передача нестабильна. Поэтому магические сигналы — только между соседними секциями и только как дублирование. Основное — рога, флажки, курьеры. Два коротких сигнала — остановка. Один длинный — готовность. Три коротких — отход ближайшего участка к предыдущей точке.

— А если их глушители действительно работают? — спросила Селена.

— Локально, — ответил Вэл'Шан. — Все подтверждённые случаи показывают ограниченную зону. Несколько шагов, возможно, десяток. Не «мёртвое ущелье». Если устройство появляется, маги увеличивают дистанцию и не пытаются продавить поле силой.

Один из магов поморщился.

— У нас нет точных измерений.

— Поэтому я сказал «подтверждённые случаи», а не «закон природы».

Морвуд перевёл взгляд на карту.

— Големы?

— Не активировать тяжёлое оружие без визуальной цели, — ответил Драконов. — В тесном проходе они опаснее своим, чем врагу. Первый режим — защита платформы и расчёта. Плазменные контуры только по команде.

Крейн недовольно хмыкнул.

— Мы тащим эти махины через полстраны, чтобы они шли с выключенными пушками?

— Мы тащим их, чтобы они дошли до места, где пушки нужны, — сказал Вэл'Шан. — Это не одно и то же.

Начальник обозной службы постучал по своему списку.

— У меня вопрос не про пушки. Если растягиваем колонну, обозная часть войдёт в ущелье позже. Вода рассчитана по текущему графику. Если будем стоять каждый раз, когда кому-то покажется подозрительным камень, к вечеру начнутся проблемы.

— Сколько резерва? — спросил Вэл'Шан.

— На сутки при норме. На полтора, если урезать людям. Рабочей скотине урезать нельзя: часть ящеров уже на пределе после ускоренного марша.

— Значит, никакого «форсированного марша до базы к вечеру», — произнёс Морвуд. — Кто это вообще написал?

Валтар не ответил. Селена чуть улыбнулась. Драконов поставил палец на карту.

— Реальная задача на завтра: пройти ущелье и выйти к западной стоянке до темноты. Если к полудню колонна не прошла половину, останавливаем дальнейший ввод и разворачиваем то, что ещё снаружи.

— Разворачиваем? — резко спросил Валтар.

— Да.

— И даём мятежникам победу одним видом наших спин?

Вэл'Шан посмотрел на него.

— Победа — это потерять войско в проходе потому, что барону не понравился вид отступления?

Валтар побледнел. Крейн хмыкнул. Селена чуть заметно кивнула. Морвуд медленно провёл пальцем по краю карты, не доставая блокнота.

— Я говорю о политических последствиях.

— А я — о материальных. Политика плохо воюет без живых солдат.

Крейн неожиданно кивнул. Валтар это заметил и замолчал. Боргун поднял кружку, обнаружил, что вино убрали вместе с ужином, и поставил обратно.

— Добыча.

Несколько человек одновременно выдохнули.

— Что добыча? — спросил Драконов.

— Договор после ваших бумажных хитростей не изменился? Мои получают долю после боя.

— После боя, — подтвердил Вэл'Шан. — Не во время прохода ущелья. Первый, кто остановит часть ради чужого мешка, лишится доли целиком.

Грук Разящий Клык оскалился.

— Это ты дворфам или всем?

— Всем.

— Хорошо. Орки возьмут после.

Боргун повернулся к нему.

— Если останется.

— Останется то, что ты не успеешь унести.

На этот раз они обошлись колкостями. Вэл'Шан дал им обменяться ещё парой реплик и оборвал разговор, прежде чем спор разгорелся вновь. Потом раздал последние приказы. Никакой части не покидать лагерь до сигнала Драконова. Никаких самовольных разведок ночью. Рабов-носильщиков держать при своих секциях, но не связывать попарно — связанные люди хуже работают на узкой дороге и превращают падение одного в падение троих. Воду выдать до выступления, вторую норму — после выхода половины колонны из ущелья. Лекарей распределить не по рангу частей, а по длине колонны. Все эти распоряжения требовали не героизма, а исполнения. Когда совет закончился, Драконов остался. Вэл'Шан не спросил, зачем.

— Ты всё равно идёшь, — сказал военачальник.

— Да.

— Хотя считаешь ущелье плохим маршрутом.

— Да.

Драконов медленно провёл пальцем по старому шраму, уходившему под повязку на месте потерянного глаза. За вечер он уже дважды касался шрама и теперь снова машинально провёл по нему пальцем.

— Тогда назови причину без баронов.

Вэл'Шан посмотрел на карту.

— Потому что другой маршрут даёт Лексу время. Его сила не в числе людей. Его сила в том, что он превращает каждый день в новое правило, новую мастерскую или нового союзника. Мы уже видели это на полях, на дороге, в старой крепости. Если дать ему неделю, через неделю мы будем решать другую задачу.

— А если он именно этого и ждёт — что ты поторопишься?

— Тогда завтра мы узнаем, насколько хорошо он умеет готовить поле боя.

— Дорогой способ узнать.

— Все способы уже дорогие.

Драконов помолчал.

— Я поставлю своих сзади. Если начнётся обвал, хвост сможет выйти первым.

— И если передние части попытаются бежать назад?

— Остановлю. Не ради Вэл'Шана. Ради того, чтобы они не затоптали обоз и рабов.

— Хорошо.

Военачальник пошёл к выходу, но у полога остановился.

— Магистр.

— Что?

— Если завтра что-то не совпадёт с планом, не пытайся спасти сам план.

Вэл'Шан поднял взгляд.

— Я умею менять решение.

— Посмотрим.

Драконов ушёл. В шатре стало тише. Вэл'Шан посмотрел на оставленный им нетронутый кубок и снова склонился над картой. Возразить военачальнику было нечего.

✦

О выступлении Тихон догадался без помощи стражи. Охранники почти не разговаривали с носильщиками. Приказ, удар плетью, номер повозки, место у костра — этого хватало. Всё остальное люди собирали из звуков. Вечером лагерь изменился. Кузнецы работали позже обычного. У центральных платформ несколько раз запускали тяжёлые приводы, и земля отдавала глухим металлическим толчком. Складские писари выдавали двойные нормы ремней и ругались на тех, кто пришёл без жетона. Маги обходили колонну с кристаллами проверки. Лошадей переставили ближе к дороге. Значит, утром — марш. Тихон сидел у стены барака, обхватив колени руками.

Раньше он работал в одном из поместий Валтара и был среди тех, кого согнали во двор смотреть на казнь шестнадцати беглецов. Михея он не знал, зато Данко запомнил. Имя Лекса тоже запомнил, хотя за семьдесят с лишним лет слишком хорошо узнал цену сказкам об освободителях. Но после казни случилось то, чего Валтар не собирался добиваться: люди начали передавать это имя друг другу вместе с рассказами о дорогах, слухами и вопросом «а если правда?». Теперь имя дошло сюда. Он когда-то думал, что старость даст ему право на тишину. Вместо тишины ему дали бараки, верёвки и чужие войны. Он не жаловался. Жалоба — это тоже роскошь, а он не мог её себе позволить.

Рядом сидел Прошка, которому едва исполнилось восемнадцать. Он был настолько худ, что колени под рваной тканью казались острыми камнями, но взгляд оставался быстрым и живым. Прошка грыз ноготь на большом пальце — давно уже обкусанный до мяса. Мать, наверное, отучала его от этого, когда он был маленьким.

— Дядь Тихон.

— Чего?

— Завтра правда через горы?

— Похоже.

— К ним?

Тихон ответил не сразу.

— Может быть.

Прошка придвинулся ближе.

— Я слышал от возницы: за ущельем дорога к Красным горам. Там база.

— Возница мог слышать от повара, повар — от пьяного солдата, а солдат — сам придумать.

— Но это может быть правдой.

— Может.

Мальчишка сглотнул.

— Если бой начнётся… можно уйти.

Тихон посмотрел на вход. У двери стояли двое человеческих стражников. Не надсмотрщики с полей — обычные наёмные люди, которым платили за то, чтобы держать других людей внутри. Один грел руки над маленькой жаровней, второй что-то жевал и время от времени поглядывал в барак. Двое мужчин у дальней стены делали вид, что спят. Один из них не спал — Тихон видел, как блестит его открытый глаз в темноте.

— Не «можно», — тихо сказал Тихон. — Может появиться шанс. Это другое.

— Какая разница?

— Большая. Если ты решишь, что шанс уже есть, побежишь раньше времени и умрёшь у первого кола. Если он появится — увидишь сам.

— Как?

— Охрана уйдёт вперёд. Повозки встанут. Кто-то закричит не на нас. Вот тогда смотришь, где нет оружия, и двигаешься не к Лексу, а от тех, кто тебя убивает. Понял?

Прошка кивнул.

— А остальные?

— Никому не говори.

— Но если только мы двое…

— Если ты скажешь десятерым, один окажется испуганным, второй — болтливым, третий захочет получить лишнюю кашу за донос. Остальные узнают, когда станет видно без слов.

Прошка замолчал. Тихон посмотрел на его руки. На левой ладони была свежая трещина от холодной верёвки.

— Завтра не наматывай тряпку на пальцы.

— Почему?

— Зацепишься за ремень. Лучше мёрзнуть, чем остаться привязанным к телеге.

Прошка медленно снял намотанную полосу ткани.

— Ты всё придумал.

— Нет. Я просто старый.

— Это одно и то же.

Тихон тихо хмыкнул.

— Вот за такие речи стариков и не любят.

В другом конце барака ребёнок закашлялся. Женщина накрыла его своим плащом, которого едва хватало на двоих. Никакой еды вечером уже не выдавали: дневная норма закончилась. Тихон достал из-за пазухи половину сухого коржа, оставленного с обеда, отломил маленький кусок и передал Прошке.

— Ешь.

— А ты?

— Я половину днём съел.

Он солгал. Прошка не заметил. Тихон надеялся, что мальчишке завтра действительно понадобятся силы.

Глава 3. Песни перед боем

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры

Драконов не любил лагерные песни перед боем, хотя и не считал их признаком слабости. Его собственный прайд пел перед охотой, перед похоронами и перед длинными переходами. Песня выравнивала дыхание лучше команды, напоминала молодым, что они не первые, кому страшно, а старым — что страх не делает их хуже. Отец Драконова пел хуже всех в прайде и знал это. Поэтому всегда вставал в середину, чтобы его не было слышно.

Чужие же лагерные песни в такой армии слишком легко превращались в спор о том, чьи предки достойнее. Так случилось и сегодня. Драконов шёл от третьего обозного сектора к своим, когда услышал высокие эльфийские голоса. Несколько молодых офицеров Валтара сидели у большого костра рядом с наёмниками и пели старую походную песню о хранителях леса. Красиво, ровно, с хорошими голосами. Сама песня не была оскорбительной.

Но офицеры пели не для соседей, а словно глядя на них сверху. Один из наёмников Крейна, сидевший ближе всех, перестал жевать. Не из уважения. Просто голоса были настолько ровными, что на них не получалось не обращать внимания. Драконов замедлил шаг. Один из куплетов закончился коротким двустишием:

«Лист хранит имя, клинок — оберег,

Свет старых домов не погаснет вовек».

Старый Раххар, сидевший с двумя драконидами у соседнего огня, поднял голову. Драконов уже знал, чем это закончится. Раххар не полез в драку сразу. Хуже. Он ответил песней. Драконидская походная была короткой и грубой. Не про величие народа, а про охоту: кто идёт

впереди, тот отвечает за след; кто падает, того не бросают; кто хвастается до удара, тот кормит воронов первым. Раххар ответил двумя строками:

«След не бросай, если брат ещё жив;

Хвастайся после — когда победил».

Его поддержали свои. Эльфийские офицеры повысили голос. Дракониды — тоже.

Орки рядом начали хлопать в ладони, совершенно не интересуясь смыслом, но отлично понимая, что скоро будет драка. Драконов ускорил шаг. Поздно.

— Если хотите рычать, идите к своим ящерам! — выкрикнул один из эльфов.

Раххар встал.

— Мы поём у своего огня.

— Ваш огонь воняет жиром на поллагеря.

— А твоя песня — тобой.

Кто-то засмеялся. Эльф побледнел. Рука пошла к кинжалу. Раххар шагнул вперёд. Драконов оказался между ними, прежде чем металл вышел из ножен. Одной рукой он перехватил запястье эльфа, другой упёрся Раххару в грудь и развёл обоих так, чтобы они не могли дотянуться друг до друга.

— Отпусти, — прошипел эльф.

Драконов сжал чуть сильнее. Кинжал выпал в снег.

— Теперь отпустил.

Он разжал пальцы. Раххар тяжело дышал.

— Он оскорбил прайд.

— Я слышал.

— Тогда…

— Тогда утром ты пойдёшь в колонне и докажешь, что прайд умеет делать больше, чем драться у костра.

Раххар замолчал. Драконов повернулся к эльфу.

— Имя.

— Эндар из дома Валтара.

— Завтра твоя рота идёт во второй линии копейщиков?

— Да.

— Тогда если сегодня ты порежешь себе руку о драконида, завтра в строю будет на одного бойца меньше. Очень достойно.

Эндар покраснел.

— Он первым…

— Я не судья детской ссоры. Я командую колонной. Оба возвращаетесь к своим кострам. Ещё один такой случай — оба проведёте ночь без оружия у обозной стражи.

Эльф вскинулся.

— Ты не можешь лишить меня…

Драконов посмотрел единственным глазом. Эндар закончил:

— …без приказа магистра.

— Могу. Приказ подписан утром. Хочешь прочитать?

Не хотел. Толпа начала расходиться. Орки были разочарованы больше всех. Раххар задержался.

— Господин.

— Что?

— Песня была хорошая.

— Наша?

— Их.

Драконов посмотрел на него.

— Тогда зачем полез?

Старый драконид почесал шрам на морде.

— Потому что певец оказался дураком.

— Вот завтра и помни разницу между песней и певцом.

Раххар усмехнулся.

— Постараюсь.

Драконов пошёл дальше. Уже у своих шатров он оглянулся. Эльфийский костёр снова заговорил тихо. Дракониды у своего больше не пели. Раххар ещё постоял, глядя на эльфийский костёр. Потом сел и сказал своим что-то тихо. Дракониды засмеялись — коротко, без злобы. Орки решили, что смеются над ними, и начали спорить о костях. Ссора утихла, но старые обиды остались. Армия держалась на договорах, плате, страхе и общей цели, которую каждый понимал по-своему. Выдержит ли такой союз первый серьёзный удар, Драконов не знал.

✦

Вэл'Шан узнал о разговоре среди рабов через два часа после полуночи. Начальник внутренней стражи не вошёл без разрешения. Постучал один раз, дождался ответа и только потом откинул полог. По привычке он стоял чуть подавшись вперёд, словно заранее готовился к неприятному приказу.

— Двое в шестом бараке обсуждали побег во время боя.

Вэл'Шан не оторвался от карты.

— Источник?

— Человек из караула. Слышал лично часть разговора. Второй подтвердил, что старик расспрашивал о маршруте. Имена: Тихон, пожилой рабочий Валтара. Прошка, молодой носильщик.

— Они организуют группу?

— Не подтверждено. Наоборот: старик велел мальчишке никому не говорить.

Важно было другое. Не заговор. Пока.

— Сколько людей в бараке?

— Сто восемнадцать по вечерней ведомости.

— Сколько подобных разговоров за неделю?

— Подтверждённых — четыре. В двух случаях донесли сами рабы. Один — пустая болтовня. Этот — первый, в котором обсуждали конкретный момент.

Вэл'Шан отложил перо. Если оставить двоих без наказания, слух разойдётся быстрее приказа. Если казнить тихо — исчезновение заметят и придумают историю хуже правды. Если устроить показательное истязание, как любили некоторые надсмотрщики Валтара, можно получить именно то, чего он не хотел: мучеников. Само желание рабов освободиться не было для Вэл'Шана неожиданностью. Опасным стало другое: теперь у этого желания появилось направление — Лекс. Одно имя меняло цену страха.

Он мог приказать не приводить их вовсе. Мог приказать записать имена и вернуться к карте. Он знал, что это будет ошибкой, и всё равно потратил несколько секунд, чтобы признаться в этом самому себе.

— Привести двоих отдельно. Без общего построения.

Начальник стражи удивился.

— Магистр?

— Я сказал отдельно.

Через четверть часа Тихона и Прошку ввели в штабной шатёр. Руки связаны спереди, не за спиной: старик и так едва держался на ногах. Прошка смотрел на пол. Вэл'Шан сначала не говорил. Тихон смотрел на магистра так, словно давно перестал ждать от власти чего-либо нового. У Прошки дрожали губы, а дыхание то и дело сбивалось.

— Вы обсуждали побег.

Тихон поднял глаза.

— Обсуждали возможность.

Начальник стражи дёрнулся, но Вэл'Шан жестом остановил.

— Разница?

— Если бы собирались, сейчас ты спрашивал бы, где остальные.

Неплохой ответ.

— Почему к Лексу?

Тихон молчал. Прошка внезапно сказал:

— Потому что он отпускает людей.

Старик коротко закрыл глаза. Вэл'Шан повернулся к молодому.

— Ты видел это?

— Нет.

— Знаешь кого-то, кого он отпустил?

— Нет.

— Значит, веришь слуху.

— А у вас я знаю точно.

В шатре стало тихо. Мальчишка, поняв, что сказал, побледнел ещё сильнее. Вэл'Шан не разозлился. Фраза была точной. И потому опасной.

— Ваш побег во время боя убьёт не только вас, — сказал он. — Если носильщики бросят телеги в узком проходе, часть армии потеряет воду и лекарства. Люди начнут давить друг друга. Раненые останутся без помощи.

Тихон усмехнулся без веселья.

— Значит, мы нужны.

— Да.

— Но всё равно рабы.

— Да.

Прошка посмотрел на Вэл'Шана впервые прямо.

— Тогда зачем нам помогать вам жить?

Вэл'Шан мог ответить: «Потому что иначе умрёшь». Но Прошка и без того знал цену неповиновению.

— Потому что я не спрашиваю, хотите ли вы, — сказал он.

Тихон кивнул.

— Вот теперь честно.

Начальник стражи напрягся. Вэл'Шан некоторое время смотрел на обоих и заговорил ровным, почти будничным тоном.

— За подготовку побега во время боевого марша — смерть.

Прошка задрожал сильнее. Тихон только спросил:

— Здесь?

— Нет. Перед вашим бараком. Без общего сбора лагеря.

Начальник стражи шагнул вперёд.

— Магистр, если позволите, обычная виселица…

— Нет.

Вэл'Шан посмотрел на одного из магов внутренней службы, который стоял у дальней стенки шатра.

— У вас есть кристаллы фиксации посмертного эфирного следа?

Маг кивнул.

— Два малых. Но метод нестабилен. Что именно сохраняется в кристалле, надёжно не установлено.

— Мне не нужен красивый ответ. Мне нужен видимый результат, который не требует долгой казни.

Тихон внимательно слушал.

— Значит, в камень нас посадишь?

— Маг скажет, что именно фиксируется. Я не называю это душой без доказательств.

Старик неожиданно хрипло рассмеялся.

— Хоть в чём-то ты честнее Валтара.

Вэл'Шан не ответил.

✦

Перед шестым бараком поставили только его жителей и соседнюю смену носильщиков. Не весь лагерь. Тихон счёл это победой Вэл'Шана и собственной одновременно. Магистр не хотел толпы. Значит, боялся не их тел. Того, что люди сделают с увиденным. Прошка стоял рядом и дрожал так сильно, что верёвка на руках ходила ходуном.

— Дядь Тихон.

— Я здесь.

— Я не хочу.

— Я тоже.

— Что делать?

Тихон посмотрел на сотню лиц перед собой.

— Смотреть.

— Куда?

— На людей.

Прошка поднял голову. У стены стояла женщина с ребёнком — тем самым кашляющим мальчиком из барака. Двое мужчин из их телеги. Старуха, которая днём делила воду на троих. Человек-стражник, который донёс, стоял в стороне и не встречался ни с кем взглядом. Кто-то в задних рядах начал молиться. Негромко — так, чтобы не услышали стражники. Один из мужчин у стены сжал руку соседа, и тот не отнял.

Маг внутренней службы подошёл к Прошке первым. В руках у него был небольшой багровый кристалл и тонкий металлический обруч с тремя контактами.

— Это убьёт? — спросил Прошка.

Маг помедлил.

— Да.

— Больно?

Ещё одна пауза.

— Недолго.

Тихон запомнил, что этот эльф хотя бы не солгал. Обруч приложили к груди мальчишки поверх одежды. Кристалл засветился. Прошка вскрикнул — не так, как в страшных историях, а просто от боли и страха. Тело дёрнулось, маг едва удержал контакт. Багровый свет внутри кристалла стал ярче, затем сжался в маленькую неровную искру. Прошка обмяк. Тихон успел подхватить его плечом, пока стражник не оттащил тело в сторону.

— Что в камне? — спросил он мага.

— Остаточный эфирный отпечаток.

— А он?

Маг не понял.

— Сам мальчишка где?

— Я не знаю.

Тихон кивнул. Это тоже было честно. Когда подошли к нему, он уже не смотрел на Вэл'Шана. Смотрел на людей.

— Слушайте, — сказал Тихон.

Начальник стражи дёрнулся, но Вэл’Шан поднял руку: пусть говорит. Запрет последнего слова порождает больше легенд, чем само слово.

— Я не знаю Лекса, — сказал Тихон. — Не видел его. Не знаю, добрый он или такой же барин, только новый. Не врите себе потом, будто я знал.

Люди слушали.

— Но я знаю другое. Там есть место, куда бегут. Пока есть место — есть выбор. Маленький. Может, плохой. Но есть. Вот этого они и боятся.

Он перевёл взгляд на Вэл’Шана.

— Не нас.

Магистр не отвёл глаз.

— Заканчивай, — сказал начальник стражи.

Тихон усмехнулся.

— Уже.

Обруч лёг на грудь. Сначала он почувствовал холод. Потом пришла боль. Тихон закричал, хотя надеялся не кричать. Ему стало почти смешно от собственной гордости: тело опять оказалось умнее красивого намерения. Свет в кристалле вспыхнул слишком резко. Маг выругался. Что-то треснуло. В последний миг Тихон увидел не Лекса, не Валтара и не дом, которого давно не было. Увидел Прошку, жующего вчерашний кусок коржа и уверенного, что старость означает мудрость. Потом света не стало. Кристалл в руке мага погас и раскололся по внутренней жиле.

— Перегрузка, — сказал тот растерянно. Он посмотрел на осколки так, будто они его предали.

Вэл’Шан подошёл ближе.

— Причина?

— Не знаю. Возможно, дефект. Возможно, несовместимость поля. Нужно исследовать.

— Запиши как неисправность. Не как «сильную душу» или иную красивую глупость.

Маг кивнул. Люди перед бараком молчали. Один из носильщиков, тот, что стоял ближе всех, посмотрел на треснувший кристалл. Потом на пустое место, где только что стоял Тихон. Потом отвернулся и пошёл в барак.

Вэл’Шан посмотрел на них и понял, что наказание сработало только наполовину. Хотя бы этой ночью они не побегут. Но страх не стал лояльностью. Он никогда ею и не был.

— Вернуть людей в бараки. Утром им выдать полную походную норму воды и пищи. Носильщики должны дойти до западной стоянки в рабочем состоянии.

Начальник стражи посмотрел с удивлением.

— После этого?

— Именно после этого. Мёртвый носильщик не несёт груз.

Вэл’Шан развернулся и ушёл. За спиной остались два тела, один светящийся багровый кристалл и второй, расколотый. Ни одного из них он не считал победой.

✦

Перед рассветом лагерь подняли без общего рога. Драконов запретил: один громкий сигнал разбудил бы всех одновременно и превратил узкие проходы между шатрами в давку. Вместо него секции поднимали по расписанию. Сначала передовой дозор, затем лёгкая пехота, потом первая обозная команда, после неё дворфские наёмники и эльфийские копейщики. Вэл’Шан наблюдал за началом марша с края дороги.

Три «Цербера» шли не рядом. Первый скрывался под тёмным чехлом почти в середине передовой половины колонны, второй оставался дальше, третий должен был войти в ущелье последним из тяжёлых механизмов. Маги сопровождения шли отдельными группами. Между частями выдерживали интервалы, которые Драконов ещё ночью потребовал закрепить в приказе. Порядок соблюдали не без огрехов, но строже, чем прежде.

Валтар подъехал на скакуне. Он старался не смотреть на бараки. Вэл'Шан заметил это и не стал помогать ему отводить взгляд.

— С такой скоростью мы к полудню только войдём в ущелье.

— Возможно.

— Лекс уйдёт.

— Если уйдёт, мы займём его базу без боя.

— А если заберёт всё ценное?

Вэл'Шан посмотрел на него.

— Ты всё ещё думаешь о трофеях раньше сражения.

Валтар сжал повод.

— Я думаю о результате.

— Тогда думай о том, чтобы твои копейщики соблюдали интервалы.

Барон уехал недовольный. Драконов подъехал позже.

— Передовой дозор вышел.

— Что по погоде?

— Туман плотнее, чем вчера. Для засады хорошо. Для нашей защиты тоже кое-что даёт: сверху нас видят хуже.

— Маги?

— Разведывательные импульсы работают у входа. Дальше посмотрим. Я приказал не считать потерю связи доказательством глушителя.

— Правильно.

Драконов посмотрел на него одним глазом.

— Ты спал?

— Нет.

— Плохо.

— Я не командую движением каждой роты.

— Хорошо, что понимаешь.

Вэл'Шан почти улыбнулся. Колонна вытягивалась на запад. Из рабского сектора вывели носильщиков. После ночной казни они шли молча. Охрана держала дистанцию и уже не пыталась ускорять каждого ударами: Драконов запретил ломать темп отдельными вспышками жестокости. Если один человек падает под телегу в ущелье, задерживается вся секция. Вэл'Шан увидел место, где вчера стояли Тихон и Прошка. Пусто. Но люди вокруг смотрели иначе. Не открыто. Достаточно, чтобы заметить. Он не сожалел о решении. Два человека действительно готовились воспользоваться боем для побега, и оставить это без ответа значило увеличить риск паники в обозе. Но эффект наказания оказался не тем, который обещали старые наставления. Страх сделал их осторожнее. И злее. Это следовало учитывать.

Вэл'Шан коснулся футляра с картой. Впереди Ущелье Скорби. По его расчёту Лекс должен был выбрать одно из трёх: оставить наблюдателей и отойти к крепости; ударить малой группой по хвосту; попытаться обрушить один участок дороги и выиграть несколько часов. Полномасштабная позиционная засада требовала людей, оружия, боеприпасов и подрывных работ, которые трудно было скрыть от разведки. Именно позиционную засаду он считал наиболее вероятной, но заставлял себя помнить: вероятное — ещё не единственное.

— Магистр, — позвал адъютант. — Ваш скакун готов.

Он надел перчатки. Молчаливый Страж занял место слева, чуть позади. Драконов уже ехал к середине колонны, где хотел лично проверить интервалы у первого голема. Вэл'Шан сел в седло. Восточное небо светлело медленно, но ущелье впереди оставалось тёмным. Туман лежал между стенами так плотно, будто горы выдыхали его навстречу армии. За первым поворотом исчез передовой дозор. Потом в белую мглу вошла лёгкая пехота. Через некоторое время пришёл первый доклад: вход чист, свежих крупных следов нет, движение продолжается.

Вэл’Шан не почувствовал облегчения. Пока всё происходило так, как должно было происходить при любой хорошей засаде. Он поднял руку.

— Следующий участок — вперёд. Интервалы не сокращать.

Приказ ушёл по колонне. Армия начала втягиваться в Ущелье Скорби.

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры

Ущелье Скорби принимало армию медленно: мешала не столько теснота, сколько постоянные перемены ширины прохода. После тесного прохода, где две телеги не могли разминуться, внезапно открывался карман в несколько десятков шагов; за ним дорога снова прижималась к скале, уходила под нависающую полку, ныряла в туман и раздваивалась возле старого водосброса. Любой командир, глядевший на карту, видел маршрут. Человек, ехавший внутри колонны, видел только ближайшие двадцать шагов и спину того, кто шёл впереди. Вэл’Шан не любил такую географию. С рассвета армия продвигалась через ущелье, всякий раз замедляясь у теснин и поворотов. К вечеру передовые части ушли далеко вперёд, но тяжёлые секции всё ещё втягивались в проход; теперь над колонной сгущалась ночь.

Он ехал не в голове колонны и не в самом центре. Драконов настоял, чтобы командный узел держался между первым и вторым тяжёлыми секторами, где гонцы ещё ходили в обе стороны, но один обвал не мог сразу похоронить всё управление. Молчаливый Страж шёл слева, почти касаясь плечом борта грузовой платформы. Адъютант — справа. Перед ними двигалась одна из рот копейщиков Валтара; за спиной, на дистанции, слышались тяжёлые шаги первого «Цербера».

С тех пор как колонна вошла в ущелье, Вэл’Шан получил семь донесений. Первое: передовой дозор прошёл две лиги, людей не обнаружил. Второе: магический фон неровный, но активного подавления нет. Третье: на северной полке найдены старые следы — не свежее нескольких суток. Четвёртое: один наблюдатель видел слабое движение наверху, подтвердить не смог. Пятое: лёгкая пехота дошла до центрального кармана, сопротивления нет. Шестое: первая обозная секция задержалась на повороте из-за сломанной оси. Седьмое: Драконов требует ещё раз увеличить дистанцию перед вторым «Цербером».

Ни одно донесение не указывало прямо на западню, но и все вместе они не давали оснований считать проход безопасным. Вэл’Шан повторил это про себя: за привычку предпочитать удобное объяснение он уже заплатил слишком дорого.

— Магистр.

Адъютант протянул табличку.

— Передовой маг сообщает: на следующем участке импульс снова гаснет раньше обычного. Доходит лишь до трети своей обычной дальности.

— Порода?

— Возможно.

— Глушитель?

— Возможно.

Вэл’Шан посмотрел на него. Адъютант поправился:

— Недостаточно данных.

— Лучше.

Он отдал табличку назад.

— Передать Драконову: темп не увеличивать. Магам — никаких мощных сканирующих импульсов до прямой угрозы. Если это глушитель, не хочу, чтобы они сами перегрузили кристаллы.

— Да, магистр.

Адъютант передал приказ связному, и тот исчез в тумане. Вэл’Шан поднял голову. Над ними, высоко, где стены сходились к узкой полосе неба, лежала ночь. Две луны скрылись за облаками; снег на уступах давал чуть больше света, чем само небо. Иногда ветер разрывал

туман, и на секунду открывалась противоположная стена — серый камень, трещины, редкие кусты, ничего больше. Уступы вновь исчезали, и Вэл’Шан не мог поручиться, что они пусты.

Драконов подъехал через несколько минут, без свиты. Чешуя на его лице блестела от сырости.

— Второй «Цербер» отстал на полторы сотни шагов. Так и оставлю.

— Оставь.

— Передовой дозор хочет снять людей с северной полки. Говорят, там нет прохода для крупной группы.

— Не снимать.

— Согласен.

Драконов посмотрел вперёд.

— Мне не нравится тишина.

— Мне тоже.

— Тогда почему продолжаем?

Драконов ждал ответа, не сводя с магистра единственного глаза.

— Потому что пока риск меньше цены разворота, — ответил Вэл’Шан. — У выхода уже половина передовых частей. За нами тяжёлая секция и первая часть обоза. Если сейчас развернуть всё в теснине, мы потратим остаток ночи и половину дня, поставим големов боком к узким местам и сами создадим пробку. Лекс получит сутки или больше.

— А если риск изменится?

— Разворачиваем то, что ещё не вошло. Передние части выходят на запад, если путь свободен. Центр держит участок. Никакой попытки вытащить всю армию в одну сторону.

Драконов кивнул.

— Значит, одинаково думаем.

— Это тревожит.

— Меня тоже.

Он уже собрался уехать, когда сверху коротко осыпались мелкие камни. Оба одновременно подняли головы. Ничего. Драконов положил ладонь на рукоять меча.

— Коза?

— В Борун, ночью, на этой высоте?

— Тогда человек.

— Или камень.

Драконов хмыкнул.

— Ты учишься.

Он поехал вперёд, оставив Вэл’Шана со Стражем. Магистр ещё несколько секунд смотрел на тёмный уступ. Если там сидел человек, тот уже знал, где находится командование. Если не сидел — Вэл’Шан терял время на собственный страх. Оба варианта ему не нравились.

. . .

Клык лежал в двадцати шагах выше того места, куда только что смотрел Драконов. Камешек сорвался не под его рукой. Молодой стрелок справа слишком резко перенёс колено и сдвинул кромку осыпи. Клык успел прижать его плечо к земле раньше, чем тот инстинктивно пополз назад.

— Не двигайся, — прошептал он.

Внизу остановились двое — Вэл’Шан и Драконов. Клык различал лишь отдельные детали: белую линию лица эльфа, красноватую чешую драконида, тёмный силуэт Молчаливого Стража. Лица появлялись и исчезали в тумане. Древняя винтовка находилась у Игната в соседнем секторе; у Клыка был арбалет. Но стрелять сейчас нельзя было даже из него: один преждевременный выстрел мог сорвать всю засаду.

Драконов уехал. Вэл’Шан задержался ещё немного. Рука молодого стрелка дрожала рядом с ним — не столько от страха, сколько от желания что-нибудь сделать, пока цель стояла прямо внизу.

— Даже не думай, — тихо сказал Клык.

— Я не…

— Думаешь. Поэтому говорю.

Вэл’Шан тоже уехал. Только после этого Клык убрал руку с плеча стрелка.

— Выдохни.

Тот выдохнул.

— Прости.

— После боя будешь извиняться перед осыпью.

Клык пополз к наблюдательной щели. Их задача была проще, чем у большинства, и потому страшнее: увидеть момент, когда можно начинать. Не «когда врагов стало много». Не «когда магистры оказались под скалой». Не «когда хочется стрелять». Два условия. Первое: центральные тяжёлые части входят под обе подготовленные полки. Второе: обозные носильщики и рабы, которых можно было не убивать, не находятся в основной зоне обвала.

Для этого Клык разделил наблюдение. Пётр сидел выше восточного маркера и следил за первой тяжёлой секцией. Павел — у центрального кармана, где должен был появиться первый голем. Сам Клык держал западную границу зоны и следил за хвостом. Связь держалась на людях, а не на кристаллах. На близких участках подавали короткие свистки; для световых сигналов пользовались закрытыми фонарями с узкой щелью. Там, где туман не позволял видеть соседний пост, ползком пробирались двое связных. Медленно, зато надёжнее.

Пётр дал первую метку — один закрытый огонь на три удара сердца. Передняя тяжёлая секция вошла. Павел не ответил. Клык ждал.

Снизу шли копейщики. Потом промежуток. Потом слышался тяжёлый металлический ритм. «Цербер».

Ещё через минуту в щели тумана показался край тёмной платформы. Маги сопровождения шли отдельно, как и ожидалось. Павел дал сигнал. Второе условие ещё не выполнено.

Клык повернул голову к западному участку. За первым обозным промежутком двигались люди с грузами — часть свободных погонщиков, часть рабов-носильщиков. Их оказалось больше, чем видел разведчик на марше. Некоторые несли ящики попарно, некоторые тянули небольшие тележки. Под скалой, которая должна была уйти вниз, сейчас проходило около пяти десятков человек.

Клык стиснул зубы. Сигнал нельзя давать. Внизу уже был голем. Ещё один тяжёлый звук приближался с востока. Если ждать слишком долго, второй «Цербер» войдёт в зону вместе с носильщиками, и тогда придётся выбирать между планом и людьми. Клык тихо выругался. Связной рядом посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. Ждём.

Носильщики шли медленно. Один мужчина упал, ящик вырвался из рук второго. Охранник подбежал, но вместо плети схватил ящик за угол и помог поднять — приказ Драконова работать без пробок оказался сильнее обычной жестокости. Клык впервые за ночь мысленно поблагодарил врага.

Прошли ещё двадцать шагов. Тридцать. Последняя пара носильщиков вышла за западный маркер. Клык поднял два пальца. Связной открыл фонарь. Три коротких вспышки. Павел ответил одной. Пётр — одной. Два подтверждения.

Клык достал красную ракету из кожаного чехла. И замер.

Снизу, почти точно под ним, остановился Молчаливый Страж. Не Вэл'Шан. Страж. Тёмная фигура повернула голову к склону. Клык не понимал, что именно она слышит или видит. Но багровый кристалл в груди мигнул один раз. Рядом с Клыком связной перестал дышать.

Страж сделал шаг к каменной стене. Ещё один. Клык держал ракету в руке и видел, как план начинает рушиться из-за существа, о котором они знали слишком мало. Если Страж поднимет тревогу сейчас, заряды всё равно можно взорвать. Но колонна начнёт разворачиваться, носильщики побегут назад, големы разойдутся, маги поднимут щиты.

Страж поднял руку и приложил ладонь к камню. Клык вспомнил слова Кор-Дума: «Если не знаешь, что машина делает, не мешай ей делать это рядом с собой». Странный совет для боя. Он не шевельнулся.

Молчаливый Страж постоял несколько секунд, затем убрал ладонь. Возможно, почувствовал пустоту. Возможно, не почувствовал ничего. Возможно, считал саму скалу. Он развернулся и пошёл за Вэл'Шаном.

Клык выдохнул и поджёг короткий фитиль ракеты.

— Сейчас.

Красная полоса ушла вверх. На секунду туман стал кровавым.

. . .

Кор-Дум увидел не ракету, а её отблеск. Красный свет отразился от влажной стены перед ним и лёг на медную крышку пусковой коробки. Брун уже держал руку у первого контакта.

— Подтверждение? — спросил он.

Связной у щели показал два пальца.

— Два.

Кор-Дум посмотрел на индикатор цепи. Шесть зелёных точек. Две резервные линии — погашены и физически отсоединены, как договаривались.

— Первая зона, — сказал он.

Брун замкнул контакт. Под ногами ничего не произошло. Так и должно было быть. Взрыв пришёл через долю секунды со стороны северной полки — не громовой удар, а несколько коротких тяжёлых хлопков, слившихся в один. Камень над ущельем дрогнул.

Кор-Дум не смотрел вниз. Смотрел на трещину. Она открылась ровно там, где должна. Сначала тонкая чёрная линия. Потом ещё одна. Верхняя плита осела на ладонь, остановилась — и вдруг поехала.

— Есть, — выдохнул Брун.

Не обвал. Пока только движение. Кор-Дум дождался, когда первая масса камня уйдёт, и крикнул:

— Вторая!

Три заряда южной зоны сработали почти одновременно. Теперь ущелье действительно заговорило. Не песней в человеческом смысле. Кор-Дум всю жизнь ненавидел, когда камню приписывали романтическую чепуху. Но звук получился такой, что и он невольно понял название, которое потом дадут этой ночи. Каждая полка рушилась своим голосом: тонкие пласты звенели, крупные блоки грохотали низко, под ними трещал раздробленный сланец, а стены возвращали всё это десятком отголосков, будто гора отвечала сама себе. Камни запели.

— Ниже головы! — рявкнул Кор-Дум.

Ударная волна дошла до ниши. Пыль ворвалась даже через боковой проём. Связной кашлянул. Брун прижал к лицу мокрую ткань. Кор-Дум дождался, пока индикатор окончательно погаснет.

— Шесть ушло.

— Все шесть, — подтвердил Брун.

— Резерв?

— На месте. Не подключён.

Кор-Дум поставил жирную черту напротив шести строк на дощечке. Только после этого позволил себе выглянуть.

Первая полка рухнула не целиком — именно этого они добивались. Основная масса перекрыла восточный проход центрального кармана, но оставила неровные боковые щели, через которые один человек ещё мог пролезть. Вторая зона накрыла участок между первым «Цербером» и следующей пехотной секцией. Там камней оказалось больше, чем ожидали; одна глыба отскочила далеко в сторону и раздавила пустую повозку. Обозные носильщики уже были западнее. Кор-Дум нашёл их взглядом. Живы. Не все стояли. Кто-то упал от толчка, кто-то прижался к телегам, но основной обвал прошёл мимо.

Пыль съела туман. На несколько ударов сердца ущелье исчезло целиком: не стало ни телег, ни людей, ни противоположной стены. Осталась только серая взвесь, сухо скребущая горло, и каменная дрожь под подошвами. Кор-Дум прижал ткань к лицу и продолжал смотреть вниз.

Крики пришли позже грохота. Сначала один, потом сразу десятки. Камень всегда звучал честнее живого тела: трещина предупреждала, когда расходилась, балка стонала перед тем, как лопнуть. Человек мог молчать с раздробленной ногой, а потом вдруг заорать так, что крик перекрывал всё ущелье.

Когда пыль начала оседать, под северной полкой проявилась перевёрнутая повозка. Одно колесо всё ещё медленно крутилось. Между камнями ползал солдат без шлема, волоча ногу, которая больше не сгибалась там, где должна. Чуть дальше из-под плиты торчала рука в тёмном рукаве; пальцы дважды сжались и затихли. Лошадь билась в разорванной упряжи, пытаясь подняться на сломанную переднюю ногу, пока оглохший погонщик дёргал ремни и не замечал, что кричит сам.

Кровь на белёсой каменной пыли казалась почти чёрной. Пахло пока не смертью — раздробленным камнем, горячим металлом зарядов, потом и испуганными животными. Запах крови придёт позже.

Кор-Дум снова нашёл глазами обозных носильщиков. Основная группа успела выйти за западный маркер. Кто-то лежал. Кто-то поднимался. Двое тащили третьего за руки. Но полка прошла мимо них — так, как рассчитывали. Вот только расчёт на дощечке не кричал.

Он заставил себя ещё раз посмотреть на место падения каждой глыбы. Не отвернулся, потому что мастер, который хочет помнить только удачный шов и забывает, что его работа сделала с теми, кто оказался под ним, слишком быстро превращается в мясника с хорошим инструментом.

— Хорошо, — сказал он.

Брун посмотрел на него.

— Что хорошего? Там сейчас ад.

— То, что рухнуло куда надо.

— А.

Это Брун понимал. Снизу донёсся первый тяжёлый удар «Крохи». Кор-Дум закрыл коробку пуска, повесил ключ на ремень и поднял молот.

— Работа не закончилась.

— Она у нас когда-нибудь заканчивается?

— На похоронах.

Брун сплюнул пыль.

— Тогда лучше без выходных.

. . .

На верхней террасе над центральным карманом Торгрим услышал обвал через станину. «Кроха» дрогнула на камне ещё до того, как звук дошёл до его ушей. Туман впереди вспух, будто кто-то ударил снизу по огромному белому покрывалу, затем его разорвало серой пылью.

— Цель первая! — крикнул Прохор.

Костя уже держал снаряд, но не поднёс к стволу, пока Торгрим не повторил:

— Первый. Корпус один. Запал один. Ствол?

— Свободен! — ответил Прохор.

— Проверка?

— Есть.

— Заряжай.

Костя поставил запал, назвал номер вслух и только после этого передал снаряд. Пальцы у него дрожали, но не так, как когда-то возле учебного глушителя. Тогда дрожь была от желания доказать, что можно быстрее. Сейчас — от грохота, страха и слишком ясного понимания того, что будет, если ошибиться.

— Готово!

Прохор сверился с таблицей углов.

— Два деления левее маркера. Центр кармана. Не по передним!

Торгрим видел только белое месиво тумана и пыли. Стрелять «на глаз» было бессмысленно. Они били по заранее пристрелянным точкам, где Клык и Кор-Дум ещё днём поставили малозаметные метки на скалах. Если враг находился не там — снаряд уйдёт в пустой камень. Лучше это, чем в своих.

— Огонь!

«Кроха» ударила. Грохот отразился от стен. Ствол дёрнулся назад, станина села на амортизаторы, один крепёж звякнул, но выдержал. Прохор уже смотрел вниз.

— Разрыв!

Через секунду туман на центральной отметке вспух оранжевым светом. Ударная волна на несколько мгновений раздвинула серую пелену, и Торгрим увидел передний ряд — тот ещё стоял. За ним людей разбросало. Один щит вращался по камням отдельно от хозяина. Лошадь рухнула вместе с всадником и била ногами, пытаясь подняться. Человек возле разбитой телеги сидел, прижав обе ладони к лицу; другой полз к камню, волоча за собой ногу.

Потом туман сомкнулся снова.

— Попадание по строю! — крикнул наблюдатель.

— Не радуйся, — отрезал Торгрим. — Крепёж.

Они проверили станину. Только потом Костя потянулся ко второму коробу. На соседней террасе ударила вторая «Кроха». Резервная молчала: по приказу Еремей должен был вступить только после третьего общего залпа или если одна из передовых установок замолчит. Его орудие берегли для прикрытия отхода.

Первый цикл прошёл чисто. Второй — тоже. После третьего Торгрим приказал остановиться на проверку, хотя снизу уже ревели враги и наблюдатель орал о магической группе у большого валуна.

— Они сейчас уйдут! — выкрикнул Костя.

— Пусть.

— Но цель…

— Станина.

Костя замолчал. Прохор провёл ключом по креплению.

— Правый упор сел на полпальца.

— Видишь? — Торгрим показал Косте осевший упор.

Тот кивнул. Они подтянули крепёж, снова выставили угол. Четвёртый выстрел ушёл через минуту.

Снизу ответили. Сначала Торгрим увидел свет — голубую полоску, которая пробила туман и ударила в скалу правее позиции. Потом пришёл звук. Камень раскололся, осколки

брызнули по террасе. Один ударил Прохора в шлем и сбил с ног. Другой полоснул Костю по щеке.

— Живы? — заорал Торгрим.

— Да!

— Прохор!

Тот поднял руку.

— Жив. Голова звенит.

— Влада потом решит, жив ты или притворяешься. Сейчас лежи десять вдохов.

Сам Торгрим почувствовал, что правое ухо почти не слышит. Гул после разрыва сидел внутри головы плотной ватой. Наблюдатель крикнул:

— Маги смещаются к западной стене!

— Вторая «Кроха» их держит. Мы по плану. Пятый — только после проверки ствола.

Костя смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Я слышу только половину.

— Тогда слушай глазами. Мой кулак — стоп. Два пальца — снаряд. Ладонь — ствол не трогать.

Костя показал, что понял. Пятый снаряд вошёл в ствол. Торгрим дал команду. Выстрела не было. Тишина длилась слишком мало, чтобы успеть испугаться, и достаточно долго, чтобы все трое поняли. Осечка.

Торгрим вскинул кулак. Стоп. Костя замер. Прохор сразу лёг за защитный камень. Оставалось выждать установленное время, не касаясь ствола, затем закрыть позицию и вызвать Бруна или Кор-Дума.

Снизу тем временем пошла атака. Торгрим видел тени, поднимающиеся по осыпи. Эльфийские копейщики, люди Крейна — кто именно, в тумане не разобрать. На соседнем участке кричали. Вторая «Кроха» ударила ещё раз.

Костя посмотрел на закрытый короб, где лежал шестой, последний снаряд. Торгрим увидел взгляд. Покачал головой. Костя сжал зубы.

Один из атакующих добрался до нижнего уступа. Болт Игната снял его почти сразу. Второй успел метнуть короткое копьё. Оно ударило в камень перед позицией. Костя дёрнулся. Торгрим схватил его за рукав.

— Не сейчас.

— Они полезут!

— Не сейчас!

Костя услышал. И остался. Это решение спасло им жизнь в ту минуту. Но бой был длиннее одной минуты.

Глава 4. Ночь, когда камни запели

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры

Ущелье Скорби принимало армию медленно: мешала не столько теснота, сколько постоянные перемены ширины прохода. После тесного прохода, где две телеги не могли разминуться, внезапно открывался карман в несколько десятков шагов; за ним дорога снова прижималась к скале, уходила под нависающую полку, ныряла в туман и раздваивалась возле старого водосброса. Любой командир, глядевший на карту, видел маршрут. Человек, ехавший внутри колонны, видел только ближайшие двадцать шагов и спину того, кто шёл впереди. ВэлШан не любил такую географию. С рассвета армия продвигалась через ущелье, всякий раз замедляясь у теснин и поворотов. К вечеру передовые части ушли далеко вперёд, но тяжёлые секции всё ещё втягивались в проход; теперь над колонной сгущалась ночь.

Он ехал не в голове колонны и не в самом центре. Драконов настоял, чтобы командный узел держался между первым и вторым тяжёлыми секторами, где гонцы ещё ходили в обе стороны, но один обвал не мог сразу похоронить всё управление. Молчаливый Страж шёл слева, почти касаясь плечом борта грузовой платформы. Адъютант — справа. Перед ними двигалась одна из рот копейщиков Валтара; за спиной, на дистанции, слышались тяжёлые шаги первого «Цербера».

С тех пор как колонна вошла в ущелье, ВэлШан получил семь донесений. Первое: передовой дозор прошёл две лиги, людей не обнаружил. Второе: магический фон неровный, но активного подавления нет. Третье: на северной полке найдены старые следы — не свежее нескольких суток. Четвёртое: один наблюдатель видел слабое движение наверху, подтвердить не смог. Пятое: лёгкая пехота дошла до центрального кармана, сопротивления нет. Шестое:

первая обозная секция задержалась на повороте из-за сломанной оси. Седьмое: Драконов требует ещё раз увеличить дистанцию перед вторым «Цербером».

Ни одно донесение не указывало прямо на западню, но и все вместе они не давали оснований считать проход безопасным. ВэлШан повторил это про себя: за привычку предпочитать удобное объяснение он уже заплатил слишком дорого.

— Магистр.

Адъютант протянул табличку.

— Передовой маг сообщает: на следующем участке импульс снова гаснет раньше обычного. Доходит лишь до трети своей обычной дальности.

— Порода?

— Возможно.

— Глушитель?

— Возможно.

ВэлШан посмотрел на него. Адъютант поправился:

— Недостаточно данных.

— Лучше.

Он отдал табличку назад.

— Передать Драконову: темп не увеличивать. Магам — никаких мощных сканирующих импульсов до прямой угрозы. Если это глушитель, не хочу, чтобы они сами перегрузили кристаллы.

— Да, магистр.

Адъютант передал приказ связному, и тот исчез в тумане. ВэлШан поднял голову. Над ними, высоко, где стены сходились к узкой полосе неба, лежала ночь. Две луны скрылись за облаками; снег на уступах давал чуть больше света, чем само небо. Иногда ветер разрывал туман, и на секунду открывалась противоположная стена — серый камень, трещины, редкие кусты, ничего больше. Уступы вновь исчезали, и ВэлШан не мог поручиться, что они пусты.

Драконов подъехал через несколько минут, без свиты. Чешуя на его лице блестела от сырости.

— Второй «Цербер» отстал на полторы сотни шагов. Так и оставлю.

— Оставь.

— Передовой дозор хочет снять людей с северной полки. Говорят, там нет прохода для крупной группы.

— Не снимать.

— Согласен.

Драконов посмотрел вперёд.

— Мне не нравится тишина.

— Мне тоже.

— Тогда почему продолжаем?

Драконов ждал ответа, не сводя с магистра единственного глаза.

— Потому что пока риск меньше цены разворота, — ответил ВэлШан. — У выхода уже половина передовых частей. За нами тяжёлая секция и первая часть обоза. Если сейчас развернуть всё в теснине, мы потратим остаток ночи и половину дня, поставим големов боком к узким местам и сами создадим пробку. Лекс получит сутки или больше.

— А если риск изменится?

— Разворачиваем то, что ещё не вошло. Передние части выходят на запад, если путь свободен. Центр держит участок. Никакой попытки вытащить всю армию в одну сторону.

Драконов кивнул.

— Значит, одинаково думаем.

— Это тревожит.

— Меня тоже.

Он уже собрался уехать, когда сверху коротко осыпались мелкие камни. Оба одновременно подняли головы. Ничего. Драконов положил ладонь на рукоять меча.

— Коза?

— В Борун, ночью, на этой высоте?

— Тогда человек.

— Или камень.

Драконов хмыкнул.

— Ты учишься.

Он поехал вперёд, оставив ВэлШана со Стражем. Магистр ещё несколько секунд смотрел на тёмный уступ. Если там сидел человек, тот уже знал, где находится командование. Если не сидел — ВэлШан терял время на собственный страх. Оба варианта ему не нравились.

. . .

Клык лежал в двадцати шагах выше того места, куда только что смотрел Драконов. Камешек сорвался не под его рукой. Молодой стрелок справа слишком резко перенёс колено и сдвинул кромку осыпи. Клык успел прижать его плечо к земле раньше, чем тот инстинктивно пополз назад.

— Не двигайся, — прошептал он.

Внизу остановились двое — ВэлШан и Драконов. Клык различал лишь отдельные детали: белую линию лица эльфа, красноватую чешую драконида, тёмный силуэт Молчаливого Стража. Лица появлялись и исчезали в тумане. Древняя винтовка находилась у Игната в соседнем секторе; у Клыка был арбалет. Но стрелять сейчас нельзя было даже из него: один преждевременный выстрел мог сорвать всю засаду.

Драконов уехал. ВэлШан задержался ещё немного. Рука молодого стрелка дрожала рядом с ним — не столько от страха, сколько от желания что-нибудь сделать, пока цель стояла прямо внизу.

— Даже не думай, — тихо сказал Клык.

— Я не…

— Думаешь. Поэтому говорю.

ВэлШан тоже уехал. Только после этого Клык убрал руку с плеча стрелка.

— Выдохни.

Тот выдохнул.

— Прости.

— После боя будешь извиняться перед осыпью.

Клык пополз к наблюдательной щели. Их задача была проще, чем у большинства, и потому страшнее: увидеть момент, когда можно начинать. Не «когда врагов стало много». Не «когда магистры оказались под скалой». Не «когда хочется стрелять». Два условия. Первое: центральные тяжёлые части входят под обе подготовленные полки. Второе: обозные носильщики и рабы, которых можно было не убивать, не находятся в основной зоне обвала.

Для этого Клык разделил наблюдение. Пётр сидел выше восточного маркера и следил за первой тяжёлой секцией. Павел — у центрального кармана, где должен был появиться первый голем. Сам Клык держал западную границу зоны и следил за хвостом. Связь держалась на людях, а не на кристаллах. На близких участках подавали короткие свистки; для световых сигналов пользовались закрытыми фонарями с узкой щелью. Там, где туман не позволял видеть соседний пост, ползком пробирались двое связных. Медленно, зато надёжнее.

Пётр дал первую метку — один закрытый огонь на три удара сердца. Передняя тяжёлая секция вошла. Павел не ответил. Клык ждал.

Снизу шли копейщики. Потом промежуток. Потом слышался тяжёлый металлический ритм. «Цербер».

Ещё через минуту в щели тумана показался край тёмной платформы. Маги сопровождения шли отдельно, как и ожидалось. Павел дал сигнал. Второе условие ещё не выполнено.

Клык повернул голову к западному участку. За первым обозным промежутком двигались люди с грузами — часть свободных погонщиков, часть рабов-носильщиков. Их оказалось больше, чем видел разведчик на марше. Некоторые несли ящики попарно, некоторые тянули небольшие тележки. Под скалой, которая должна была уйти вниз, сейчас проходило около пяти десятков человек.

Клык стиснул зубы. Сигнал нельзя давать. Внизу уже был голем. Ещё один тяжёлый звук приближался с востока. Если ждать слишком долго, второй «Цербер» войдёт в зону вместе с носильщиками, и тогда придётся выбирать между планом и людьми. Клык тихо выругался. Связной рядом посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. Ждём.

Носильщики шли медленно. Один мужчина упал, ящик вырвался из рук второго. Охранник подбежал, но вместо плети схватил ящик за угол и помог поднять — приказ Драконова работать без пробок оказался сильнее обычной жестокости. Клык впервые за ночь мысленно поблагодарил врага.

Прошли ещё двадцать шагов. Тридцать. Последняя пара носильщиков вышла за западный маркер. Клык поднял два пальца. Связной открыл фонарь. Три коротких вспышки. Павел ответил одной. Пётр — одной. Два подтверждения.

Клык достал красную ракету из кожаного чехла. И замер.

Снизу, почти точно под ним, остановился Молчаливый Страж. Не ВэлШан. Страж. Тёмная фигура повернула голову к склону. Клык не понимал, что именно она слышит или видит. Но багровый кристалл в груди мигнул один раз. Рядом с Клыком связной перестал дышать.

Страж сделал шаг к каменной стене. Ещё один. Клык держал ракету в руке и видел, как план начинает рушиться из-за существа, о котором они знали слишком мало. Если Страж поднимет тревогу сейчас, заряды всё равно можно взорвать. Но колонна начнёт разворачиваться, носильщики побегут назад, големы разойдутся, маги поднимут щиты.

Страж поднял руку и приложил ладонь к камню. Клык вспомнил слова Кор-Дума: «Если не знаешь, что машина делает, не мешай ей делать это рядом с собой». Странный совет для боя. Он не шевельнулся.

Молчаливый Страж постоял несколько секунд, затем убрал ладонь. Возможно, почувствовал пустоту. Возможно, не почувствовал ничего. Возможно, считал саму скалу. Он развернулся и пошёл за ВэлШаном.

Клык выдохнул и поджёг короткий фитиль ракеты.

— Сейчас.

Красная полоса ушла вверх. На секунду туман стал кровавым.

. . .

Кор-Дум увидел не ракету, а её отблеск. Красный свет отразился от влажной стены перед ним и лёг на медную крышку пусковой коробки. Брун уже держал руку у первого контакта.

— Подтверждение? — спросил он.

Связной у щели показал два пальца.

— Два.

Кор-Дум посмотрел на индикатор цепи. Шесть зелёных точек. Две резервные линии — погашены и физически отсоединены, как договаривались.

— Первая зона, — сказал он.

Брун замкнул контакт. Под ногами ничего не произошло. Так и должно было быть. Взрыв пришёл через долю секунды со стороны северной полки — не громовой удар, а несколько коротких тяжёлых хлопков, слившихся в один. Камень над ущельем дрогнул.

Кор-Дум не смотрел вниз. Смотрел на трещину. Она открылась ровно там, где должна. Сначала тонкая чёрная линия. Потом ещё одна. Верхняя плита осела на ладонь, остановилась — и вдруг поехала.

— Есть, — выдохнул Брун.

Не обвал. Пока только движение. Кор-Дум дождался, когда первая масса камня уйдёт, и крикнул:

— Вторая!

Три заряда южной зоны сработали почти одновременно. Теперь ущелье действительно заговорило. Не песней в человеческом смысле. Кор-Дум всю жизнь ненавидел, когда камню приписывали романтическую чепуху. Но звук получился такой, что и он невольно понял название, которое потом дадут этой ночи. Каждая полка рушилась своим голосом: тонкие пласты звенели, крупные блоки грохотали низко, под ними трещал раздробленный сланец, а стены возвращали всё это десятком отголосков, будто гора отвечала сама себе. Камни запели.

— Ниже головы! — рявкнул Кор-Дум.

Ударная волна дошла до ниши. Пыль ворвалась даже через боковой проём. Связной кашлянул. Брун прижал к лицу мокрую ткань. Кор-Дум дождался, пока индикатор окончательно погаснет.

— Шесть ушло.

— Все шесть, — подтвердил Брун.

— Резерв?

— На месте. Не подключён.

Кор-Дум поставил жирную черту напротив шести строк на дощечке. Только после этого позволил себе выглянуть.

Первая полка рухнула не целиком — именно этого они добивались. Основная масса перекрыла восточный проход центрального кармана, но оставила неровные боковые щели, через которые один человек ещё мог пролезть. Вторая зона накрыла участок между первым «Цербером» и следующей пехотной секцией. Там камней оказалось больше, чем ожидали; одна глыба отскочила далеко в сторону и раздавила пустую повозку. Обозные носильщики уже были западнее. Кор-Дум нашёл их взглядом. Живы. Не все стояли. Кто-то упал от толчка, кто-то прижался к телегам, но основной обвал прошёл мимо.

Пыль съела туман. На несколько ударов сердца ущелье исчезло целиком: не стало ни телег, ни людей, ни противоположной стены. Осталась только серая взвесь, сухо скребущая горло, и каменная дрожь под подошвами. Кор-Дум прижал ткань к лицу и продолжал смотреть вниз.

Крики пришли позже грохота. Сначала один, потом сразу десятки. Камень всегда звучал честнее живого тела: трещина предупреждала, когда расходилась, балка стонала перед тем, как лопнуть. Человек мог молчать с раздробленной ногой, а потом вдруг заорать так, что крик перекрывал всё ущелье.

Когда пыль начала оседать, под северной полкой проявилась перевёрнутая повозка. Одно колесо всё ещё медленно крутилось. Между камнями ползал солдат без шлема, волоча ногу, которая больше не сгибалась там, где должна. Чуть дальше из-под плиты торчала рука в тёмном рукаве; пальцы дважды сжались и затихли. Лошадь билась в разорванной упряжи, пытаясь подняться на сломанную переднюю ногу, пока оглохший погонщик дёргал ремни и не замечал, что кричит сам.

Кровь на белёсой каменной пыли казалась почти чёрной. Пахло пока не смертью — раздробленным камнем, горячим металлом зарядов, потом и испуганными животными. Запах крови придёт позже.

Кор-Дум снова нашёл глазами обозных носильщиков. Основная группа успела выйти за западный маркер. Кто-то лежал. Кто-то поднимался. Двое тащили третьего за руки. Но полка прошла мимо них — так, как рассчитывали. Вот только расчёт на дощечке не кричал.

Он заставил себя ещё раз посмотреть на место падения каждой глыбы. Не отвернулся, потому что мастер, который хочет помнить только удачный шов и забывает, что его работа сделала с теми, кто оказался под ним, слишком быстро превращается в мясника с хорошим инструментом.

— Хорошо, — сказал он.

Брун посмотрел на него.

— Что хорошего? Там сейчас ад.

— То, что рухнуло куда надо.

— А.

Это Брун понимал. Снизу донёсся первый тяжёлый удар «Крохи». Кор-Дум закрыл коробку пуска, повесил ключ на ремень и поднял молот.

— Работа не закончилась.

— Она у нас когда-нибудь заканчивается?

— На похоронах.

Брун сплюнул пыль.

— Тогда лучше без выходных.

. . .

На верхней террасе над центральным карманом Торгрим услышал обвал через станину. «Кроха» дрогнула на камне ещё до того, как звук дошёл до его ушей. Туман впереди вспух, будто кто-то ударил снизу по огромному белому покрывалу, затем его разорвало серой пылью.

— Цель первая! — крикнул Прохор.

Костя уже держал снаряд, но не поднёс к стволу, пока Торгрим не повторил:

— Первый. Корпус один. Запал один. Ствол?

— Свободен! — ответил Прохор.

— Проверка?

— Есть.

— Заряжай.

Костя поставил запал, назвал номер вслух и только после этого передал снаряд. Пальцы у него дрожали, но не так, как когда-то возле учебного глушителя. Тогда дрожь была от желания доказать, что можно быстрее. Сейчас — от грохота, страха и слишком ясного понимания того, что будет, если ошибиться.

— Готово!

Прохор сверился с таблицей углов.

— Два деления левее маркера. Центр кармана. Не по передним!

Торгрим видел только белое месиво тумана и пыли. Стрелять «на глаз» было бессмысленно. Они били по заранее пристрелянным точкам, где Клык и Кор-Дум ещё днём поставили малозаметные метки на скалах. Если враг находился не там — снаряд уйдёт в пустой камень. Лучше это, чем в своих.

— Огонь!

«Кроха» ударила. Грохот отразился от стен. Ствол дёрнулся назад, станина села на амортизаторы, один крепёж звякнул, но выдержал. Прохор уже смотрел вниз.

— Разрыв!

Через секунду туман на центральной отметке вспух оранжевым светом. Ударная волна на несколько мгновений раздвинула серую пелену, и Торгрим увидел передний ряд — тот ещё стоял. За ним людей разбросало. Один щит вращался по камням отдельно от хозяина. Лошадь

рухнула вместе с всадником и била ногами, пытаясь подняться. Человек возле разбитой телеги сидел, прижав обе ладони к лицу; другой полз к камню, волоча за собой ногу.

Потом туман сомкнулся снова.

— Попадание по строю! — крикнул наблюдатель.

— Не радуйся, — отрезал Торгрим. — Крепёж.

Они проверили станину. Только потом Костя потянулся ко второму коробу. На соседней террасе ударила вторая «Кроха». Резервная молчала: по приказу Еремей должен был вступить только после третьего общего залпа или если одна из передовых установок замолчит. Его орудие берегли для прикрытия отхода.

Первый цикл прошёл чисто. Второй — тоже. После третьего Торгрим приказал остановиться на проверку, хотя снизу уже ревели враги и наблюдатель орал о магической группе у большого валуна.

— Они сейчас уйдут! — выкрикнул Костя.

— Пусть.

— Но цель…

— Станина.

Костя замолчал. Прохор провёл ключом по креплению.

— Правый упор сел на полпальца.

— Видишь? — Торгрим показал Косте осевший упор.

Тот кивнул. Они подтянули крепёж, снова выставили угол. Четвёртый выстрел ушёл через минуту.

Снизу ответили. Сначала Торгрим увидел свет — голубую полоску, которая пробила туман и ударила в скалу правее позиции. Потом пришёл звук. Камень раскололся, осколки брызнули по террасе. Один ударил Прохора в шлем и сбил с ног. Другой полоснул Костю по щеке.

— Живы? — заорал Торгрим.

— Да!

— Прохор!

Тот поднял руку.

— Жив. Голова звенит.

— Влада потом решит, жив ты или притворяешься. Сейчас лежи десять вдохов.

Сам Торгрим почувствовал, что правое ухо почти не слышит. Гул после разрыва сидел внутри головы плотной ватой. Наблюдатель крикнул:

— Маги смещаются к западной стене!

— Вторая «Кроха» их держит. Мы по плану. Пятый — только после проверки ствола.

Костя смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Я слышу только половину.

— Тогда слушай глазами. Мой кулак — стоп. Два пальца — снаряд. Ладонь — ствол не трогать.

Костя показал, что понял. Пятый снаряд вошёл в ствол. Торгрим дал команду. Выстрела не было. Тишина длилась слишком мало, чтобы успеть испугаться, и достаточно долго, чтобы все трое поняли. Осечка.

Торгрим вскинул кулак. Стоп. Костя замер. Прохор сразу лёг за защитный камень. Оставалось выждать установленное время, не касаясь ствола, затем закрыть позицию и вызвать Бруна или Кор-Дума.

Снизу тем временем пошла атака. Торгрим видел тени, поднимающиеся по осыпи. Эльфийские копейщики, люди Крейна — кто именно, в тумане не разобрать. На соседнем участке кричали. Вторая «Кроха» ударила ещё раз.

Костя посмотрел на закрытый короб, где лежал шестой, последний снаряд. Торгрим увидел взгляд. Покачал головой. Костя сжал зубы.

Один из атакующих добрался до нижнего уступа. Болт Игната снял его почти сразу. Второй успел метнуть короткое копьё. Оно ударило в камень перед позицией. Костя дёрнулся. Торгрим схватил его за рукав.

— Не сейчас.

— Они полезут!

— Не сейчас!

Костя услышал. И остался. Это решение спасло им жизнь в ту минуту. Но бой был длиннее одной минуты.

Глава 5. Линия Клыка

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры

Клык не видел всей битвы. Перед ним были его полка, три стрелковые пары, Игнат с древней винтовкой ниже по склону, Шило в западном кармане и пятеро неприятельских магов, чьи привычные приёмы то срабатывали, то подводили.

Первый маг действовал грамотно: поставил перед двумя десятками копейщиков узкий наклонный щит, от которого болты уходили вверх. Он не пытался накрыть куполом пол-ущелья и держался достаточно далеко от глушителя Зураба, поэтому защита не рассыпалась.

— Слева, — сказал Клык.

Павел понял без объяснений. Он не стрелял в мага. Пустил болт в верхний край рыхлой осыпи. Камни посыпались на щит. Маг поднял защиту выше — рефлекторно, спасаясь от камней. Игнат выстрелил снизу. Древняя винтовка хлопнула сухо, почти без привычного грохота «Громов». Снаряд вошёл в землю у ног мага, выбив каменную крошку. Не попал.

— Низко взял, — процедил Игнат.

Клык не отвечал. Второй выстрел пришёл через несколько секунд. Маг успел повернуться, щит дрогнул — и третий болт Павла вошёл в промежуток под рукой. Маг упал. Щит исчез.

— Вот теперь, — сказал Клык.

Стрелки дали залп — не всей линией сразу, а по секторам: три пары на участке Клыка, две выше и ещё несколько на соседнем склоне. Так они не перекрывали друг другу обзор и не расходовали общий запас за считаные минуты. Болтов у каждого было немного: обычные и тяжёлые, с усиленным наконечником. Ещё до боя Клык запретил стрелять в туман на один лишь крик.

— Видишь цель — стреляй. Видишь движение — жди. Не видишь ничего — тем более жди.

Теперь правило работало. Эльфы отвечали точнее, чем хотелось. Огненная сфера ударила в верхнюю полку, где сидела пара молодых стрелков. Не в людей — в камень над ними. Маг не видел цели, но понимал геометрию. Взрыв срезал кусок выступа. Один стрелок успел отползти. Второго придавило по пояс. Клык услышал крик.

— Носильщики к третьему карману!

Двое санитаров поползли вверх. Шило выстрелил из своего укрытия.

— Маг на белом камне!

Болт ушёл низко.

— Не достал.

— Вижу.

— Ещё раз?

— Нет. Он тебя видел.

Шило откатился за выступ за мгновение до того, как по месту ударила тонкая ледяная игла. Камень покрылся белым инеем.

— Вот ведь воспитанный, — прошипел Шило. — Я ему болт, он мне зиму.

— Молчи и меняй позицию.

Шило пополз, ругаясь шёпотом. Из-за правой ноги он полз медленнее, чем хотелось, зато заранее подготовленные карманы позволяли не карабкаться вверх. Он ушёл на десять шагов западнее и снова поднял арбалет.

Ниже вспыхнул кристалл глушителя Зураба. Само поле оставалось невидимым, но неприятельский маг, уже поднявший посох для очередной сферы, внезапно сбился: свет погас, рука дёрнулась. Он отступил на несколько шагов, и навершие вновь слабо замерцало. Значит, подавление простиралось не дальше девяти-десяти метров и действовало всего несколько десятков секунд.

— Зураб включил, — сказал Павел.

— Значит, не лезем туда со своей магией, — ответил Клык, хотя своей у них и не было.

Он отметил другое: противник быстро понял границу. Старший эльф крикнул людям отойти от зоны и начал работать из-за неё, используя копейщиков как прикрытие. Вот так выглядел настоящий маг, а не мишень. Клык прицелился, но не выстрелил. Слишком далеко, слишком мало видно. Древняя винтовка Игната ударила снова. На этот раз старший маг резко согнулся и исчез за камнем.

— Попал? — спросил Павел.

— Не знаю, — ответил Игнат.

— Хороший ответ, — сказал Клык.

Он услышал смех Шило из соседнего кармана.

— Проклятая зараза, Лекс всех испортил.

Клык не стал объяснять, что это не порча. Снизу уже поднимались новые люди.

. . .

Зураб держал нижнюю линию у кривого прохода между двумя глыбами: здесь ущелье после обвала сужалось, вынуждая многочисленных противников подходить тесной колонной. В первом ряду стояли люди с большими щитами, во втором — копейщики, в третьем ждали сменные бойцы с короткими арбалетами.

За спиной оставалось около тридцати шагов до второго сужения, отмеченного ещё днём полосой светлого камня. Дальше дорога раздваивалась: вправо и вверх уходила тропа к медицинскому гроту, прямо — проход под террасой «Грома». Отступать было куда. Бежать — нет. Если дракониды прорвутся через вторую метку, они выйдут к носилкам и тяжёлому оружию.

Зураб оглянулся. Носильщики ждали на своей тропе, третий ряд был готов передавать им раненых, а выше, за станинами, уже заняли места расчёты.

Теперь можно было смотреть только вперёд.

Из центрального кармана после обвала вышли несколько десятков прорвавшихся драконидов. Впереди шагал лорд Драконов — пеший, одноглазый; за его спиной держались двое шаманов.

— Щиты! — крикнул Зураб.

Первый драконид врезался в строй плечом. Край щита ударил человека в лицо; нижняя губа сразу лопнула о зубы, но он удержался, уперев заднюю ногу в камень.

— Край держи! Не середину — край!

Сосед подставил плечо под щит. Копьё из второго ряда вошло атакующему под ключицу. Драконид не упал. Он схватил древко и рванул на себя. Копейщик перевалился через плечо щитовика из первого ряда.

— Древко брось!

Тот не понял.

— Брось!

Пальцы разжались за мгновение до нового рывка. Копьё ушло вместе с драконидом.

— Запасное!

Из третьего ряда уже передавали другое.

Зураб рубанул не по голове и не по броне — по суставу, который видел. Драконид отступил.

— Смена первого ряда! По двое!

Левый щитовик отошёл. Человек из третьего ряда уже шёл навстречу. На одно мгновение между щитами появилась щель; чужое копьё ударило туда, но второй ряд перехватил древко. Новый щитовик вошёл плечом и сомкнул свой щит со щитом соседа. Только после этого отошёл второй. Стена не раскрылась.

Драконов больше не пытался прорвать центр. Он отступил на шаг и подал знак. Два шамана вышли вперёд. Один полоснул когтем предплечье. Кровь потекла по чешуе и будто втянулась обратно, оставив багровую сетку. Второй сделал то же на груди.

Зураб слышал про магию крови. Впервые видел её так близко.

Первый шаман ускорился — не исчез, просто стал двигаться быстрее, чем тяжёлый щитовик успевал переставлять ноги. Он ударил в край. Когти пробили щит и вместе с длинными щепами распороли предплечье человека от запястья почти до локтя. Рука повисла; щит потянул её вниз собственным весом.

— Не ловить! Держать место!

Сосед подхватил падающий край. Третий ряд вытащил раненого за плечи.

— Этот назад! Целый вперёд!

— Я держу!

— Ты доску держишь. Строй держит сосед. Назад!

Новый человек занял место.

Второй шаман шёл тяжелее. Каждый шаг бил в землю, чешуя на плечах потемнела. Он врезался в центр щитов. Первый ряд прогнулся. Край щита вдавило человеку под ключицу. Зураб услышал сухой хруст даже через крики. Щитовик осел, всё ещё не выпуская ремень, и потянул за собой соседа. Следующий удар пришёл поверх него. Коготь вошёл между щитом и нагрудником второго человека и распорол живот.

Тот ещё стоял несколько секунд. Потом посмотрел вниз и обеими руками прижал рану.

— Назад его! Щель закрыть!

Мужчина рядом дёрнулся к раненому.

— Щель!

Он подчинился. Шагнул на место товарища и поднял щит. Раненого уже тащили назад двое из третьего ряда; один держал под плечами, второй прижимал к животу свёрнутый плащ, хотя кровь быстро прошла через ткань.

Зураб включил глушитель. Слабый кристалл на поясе вспыхнул холодным светом. Шаман успел сделать ещё шаг — и багровые линии на его коже погасли. Сила исчезла так резко, что тело не успело перестроиться.

— Сейчас!

Три копья вошли одновременно. Одно скользнуло по нагрудной чешуе, второе вошло в бок, третье — под рёбра. Шаман упал на колени, но успел схватить древко и сломать его почти у наконечника.

— Не подходить!

Щитовики шагнули вперёд, прикрывая копейщиков. Те нанесли шаману ещё несколько ударов. Быстрый шаман остановился на границе подавления. Драконов поднял руку.

— Назад!

Дракониды отошли на десяток шагов и сразу начали забрасывать проход короткими копьями. Никто не побежал. Никто не отвернулся. Они просто сменили способ атаки.

— Глушитель не вечный! Щиты выше! Смена справа!

Один щит был расколот когтями и ушёл назад. Другой весь забрызгало кровью — чужой и своей. Боец вытер рукоять о рукав, понял, что стало только хуже, и перехватил ремень выше. Слева короткое копьё вошло человеку в бедро. Он не упал, пока сосед не занял место. Только тогда позволил утащить себя назад.

Кристалл у Зураба нагревался. Драконов ждал момента, когда подавление исчезнет. Зураб выключил глушитель раньше.

— Отходим на вторую метку!

Стена не развернулась. Первый ряд сделал шаг назад. Второй. Третий. Раненые уходили через промежутки, которые тут же закрывались. Кто-то наступил в кровь, поехал ногой и почти завалил соседа; тот ударил его плечом обратно в строй, не отрывая щита от общего края.

— Ноги под себя!

Ещё шаг. Второе сужение.

— Стой!

Щиты замерли — не ровно, не красиво, но снова стеной. Увидев отступление, дракониды двинулись вперёд: похоже, сочли, что линия не выдержала. Шаман снова зажёг багровую сетку. И тут с верхней террасы ударила резервная «Кроха» Еремея. Не по людям — по камню сбоку от прохода. Снаряд разбил выступ, который расчёт отметил ещё днём. Глыбы посыпались между двумя группами, заставляя атакующих рассыпаться.

— Теперь обратно!

Стена двинулась. Первым пошёл центр — два тяжёлых шага. Правый край запоздал: там меняли расколотый щит.

— Правый, стой! Центр — стой!

Щиты замерли. Из второго ряда вышли копья. Драконид, пытавшийся перебраться через свежую осыпь, получил наконечник в бедро и отшатнулся. Его не преследовали.

— Щиты! Два шага!

Они пошли снова. В песнях старая ингрийская стена выглядела совсем не так. В песнях она шла вперёд без остановки. Зураб знал лучше: стена жила потому, что умела останавливаться. Три шага. Остановка. Копья. Щиты. Ещё два. Кто-то сзади начал старый ритм — не всю песню, всего несколько слов. Половину съедало дыхание, но ноги постепенно находили общий шаг.

Песня не заставляла драконидов отступать. Их теснили щиты и копья; стоило пробить брешь, как линия смыкалась снова. Драконов не стал ждать нового сближения.

— Назад!

Один из его бойцов замешкался у камней. Копья второго ряда качнулись вперёд. Зураб поднял топор.

— Не гнаться!

Наконечники остановились. Стена сделала ещё один шаг и замерла у новой метки. Несколько щитов были расколоты. Одного человека уже несли назад. На дереве, железе и камнях осталось столько крови, что невозможно было определить, где человеческая, а где драконидская. Но линия оставалась линией.

— Держим здесь!

Щиты сомкнулись. Драконов отступил сам, не позволив своим застрять между людьми и свежей осыпью. На несколько секунд Зураб встретился с Драконовым взглядом через проход. Они не сказали друг другу ни слова. Зураб не сомневался: в следующий раз будет тяжелее.

. . .

Первый «Цербер» вошёл в бой почти вслепую. Обвал отделил его от части сопровождения, но не повредил сам механизм. Платформа остановилась, обслуживающие маги спрыгнули, сняли фиксаторы, и тяжёлая машина шагнула на камень. Демид увидел её через прицел «Грома».

— Первый голем. Центральная отметка. Дистанция меньше расчётной на десять шагов.

Наводчик поправил винт.

— Готов.

— Первый снаряд.

Заряжающий назвал номер. Демид не торопил. «Цербер» развернул плечевую установку. Из-за повреждения связи он не получал нормальных команд от общего магического контура, но локальный оператор шёл рядом и держал кристаллическую рамку управления.

— По оператору стрелки сами. Мы по машине. Огонь.

«Гром» ударил. Снаряд попал не в грудь, а в левую сторону корпуса. Тёмный металл прогнулся. Голем сделал шаг, ещё один. Из сочленения пошёл дым.

— Не упал, — сказал один из расчёта.

— Значит, второй.

Расчёт проверил станину — крепёж держал. Второй выстрел ударил ниже, в тазовый узел. Машину развернуло на полшага. Она ответила. Белая вспышка прошла выше террасы и срезала край камня, будто тот был мягкой глиной. Жар пришёл даже сюда. Один из бойцов закричал — одежда на плече загорелась. Сосед сбил пламя плащом.

— Позицию менять? — спросил наводчик.

Демид посмотрел на станину, на положение голема, на отмеченный путь отката.

— После третьего.

Третий снаряд вошёл в уже повреждённый узел. «Цербер» осел на левую ногу. Не рухнул, но перестал двигаться вперёд.

— Откат!

Расчёт потащил станину назад по заранее подготовленным направляющим.

На соседней террасе ударил второй «Гром» Олафа. Его целью был другой «Цербер», появившийся за обвалом западнее. Первый выстрел сорвал часть кожуха с плечевой установки. Второй ушёл в стену — цель успела повернуться. Третий пробил наружный слой грудной брони, но до кристалла не добрался.

Голем выстрелил в ответ. Олаф успел крикнуть людям лечь. Белый луч ударил не в расчёт, а в край террасы перед ним. Каменная поверхность будто лопнула наружу. Облако раскалённой крошки накрыло станину и людей. Наводчик закрыл лицо локтем. Заряжающий рухнул за колесо. Один человек вскрикнул, когда мелкие осколки прошили рукав и щёку. Олафа

отбросило большим куском камня. Он упал возле колеса, правая рука осталась лежать под неправильным углом.

— Командир!

Один из расчёта рванулся к нему. Олаф дёрнул головой в сторону станины.

— Не трогай меня! Сначала закрепить!

Удар сдвинул орудие на направляющей. Наводчик выругался и опустился к креплению.

— Левый держит. Правый ушёл.

— Подтянуть.

Только когда станина снова перестала двигаться сама, двое санитаров подползли к Олафу. Один взял его под здоровую руку. Второй посмотрел на плечо и даже не попытался его выпрямить.

— Перелом.

— Сам догадался, — выдохнул Олаф.

Его потащили к нише. Второй «Гром» остался без командира, но не без расчёта. Заместитель уже смотрел в прицел.

— Четвёртый. В повреждение. Не спешить.

Выстрел. Второй «Цербер» дёрнулся, кристалл в груди вспыхнул багровым и погас. Машина замерла.

— Два стоят, — передал связной.

— Третий ещё не вошёл, — ответил Демид.

У его «Грома» осталось три выстрела, у второго — два. Пять на всё, что ещё появится из тумана. Демид мысленно пересчитал их ещё раз, хотя ошибка в такой простой сумме была невозможна.

. . .

Вэл'Шан осознал серьёзность случившегося не во время обвала, а с первыми противоречивыми донесениями. Сам по себе обвал ещё не означал поражения: колонну можно было разделить, раненых унести, обход найти и сохранить войско даже после потери двух тяжёлых механизмов.

«Передний выход перекрыт». «Передний выход открыт для пехоты». «Магическая связь не работает». «Работает, но только в пределах прямой видимости». «Драконов прорвался на запад». «Драконов удерживает центральный проход». «Первый „Цербер“ уничтожен». «Первый „Цербер“ повреждён, экипаж жив».

В обычном походе такие донесения сводили бы штабные офицеры. Теперь и сам штаб находился в зоне удара.

Вэл'Шан спешился и поднялся на плоский валун, чтобы видеть хотя бы часть кармана. Молчаливый Страж встал перед ним, закрывая корпусом направление верхних террас.

— Не мешай обзору, — сказал Вэл'Шан.

Страж сместился на полшага. Адъютант подбежал, задыхаясь.

— Магистр, Илльдар пытается собрать магов у южной стены. Драконов просит разрешение на отход частей, которые ещё восточнее второго обвала. Валтар требует прорываться всей массой на запад.

— Валтар сейчас где?

— За вторым обозом.

— Значит, ничего не требует. Он предлагает из безопасного места. Передай Драконову: восточные части, которые не вошли под обвал, назад. Без попытки пробиться сюда. Те, кто западнее, — к западному выходу. Центр удерживает карман, пока не выведем обозных рабочих.

Адъютант моргнул.

— Рабочих?

— Если бросить телеги в проходе, мы сами закроем путь.

— Да, магистр.

— Илльдару: не собирать магов в одну группу. По тройкам, на дистанции. Простые щиты, никакой площадной магии. Пусть ищут границы подавления, а не спорят с ними.

Адъютант побежал. Вэл'Шан поднял посох и сам попробовал локальный импульс. Эфир ответил. Слабее обычного, но ответил. Значит, глушитель не накрывал всё ущелье. Правильно. Лекс не мог создать такую мощность из ничего. Новость была одновременно хорошей и плохой: противник научился размещать ограниченные устройства именно там, где они давали наибольший эффект.

Сверху пришёл очередной залп болтов. Молчаливый Страж поднял руку. Один болт отскочил от чёрной пластины на предплечье. Второй ушёл в камень. Третий попал адъютанту, который не успел уйти далеко, в бедро. Тот закричал и упал.

Вэл'Шан спрыгнул с валуна и опустился рядом.

— Кость?

— Не знаю.

— Не вытаскивать. Перевязать выше и ниже, унести к лекарям.

Двое гвардейцев подняли адъютанта. Вэл'Шан проводил взглядом гвардейцев, уносивших адъютанта. Раньше он вычеркнул бы из расчёта одного раненого и не задумался о прочем: исполнителя можно заменить, приказы важнее крови. Теперь приходилось считать иначе. Один раненый забирал с собой двоих носильщиков; смерть командира рвала цепь приказов; испуганный маг мог ошибиться, если заставить его поддерживать слишком сложное заклинание. От этих подсчётов Вэл'Шан не становился добрее — только точнее.

— Илльдар! — крикнул он.

Седовласый маг появился из тумана не сразу. На щеке у него была кровь, посох треснул у навершия.

— Я здесь.

— Сколько у тебя рабочих групп?

— Семь троек. Ещё две распались при обвале. Ищу людей.

— Не ищи долго. Держи локальные щиты, подавляй верхние стрелковые позиции там, где видишь вспышки. Не атакуй через мёртвые зоны.

Илльдар стиснул зубы.

— Мы можем поднять общий купол, если собрать силы.

— И подарить противнику одну большую цель для «Крохи».

Маг посмотрел на него. Потом кивнул.

— Верно.

— Ещё одно. Если увидишь, что щит начинает вести — снимай. Не держи из гордости.

— Я не ученик.

— Тогда не веди себя как ученик.

Илльдар ушёл. Вэл'Шан ещё раз оглядел проход. Противник не превосходил их магической силой: он выбирал места и обстоятельства, при которых привычная ошибка обходилась слишком дорого. Магистр уже видел, как быстро его войско совершает именно такие ошибки.

Глава 6. Цена ночи

Месяц Борун, 2001 год Эры Синода / 801 год Торговой Эры
Те же часы после обвала. Западный участок ущелья

Из дренажной щели под западной тропой гоблины перебрались к обозу, когда телеги задержались у тесного поворота. Скрываясь между колёсами, они по одному проскользнули под днища. Под одной из повозок Грымза лежал уже дольше, чем рассчитывал. Пахло ящерами, мокрой кожей, зерном и страхом. Сверху по доскам телеги несколько раз стучали сапоги. Один раз чей-то меч ударил по колесу так близко, что гоблин инстинктивно втянул голову в плечи. Рядом лежал Хромой Пыж — прозвище, которое тот ненавидел и потому слышал ежедневно. Ещё трое гоблинов прятались под соседними повозками.

Их задача была не «резать всех сзади». Зиг ещё на базе сказал:

— Живой гоблин с ремнём от упряжи полезнее мёртвого героя с красивой историей.

Кор-Дум выразился короче:

— Сначала ремни. Потом замки. Потом всё остальное.

Грымза запомнил. Когда начался обвал, телеги качнуло. Люди закричали. Один ящер встал на дыбы, второй рухнул на колени. Охрана побежала к центру. Грымза не вылез. Слишком рано. Он дождался, пока один надсмотрщик сам отцепит повод, пытаясь развернуть упряжь. Тогда дал два коротких щелчка языком.

Гоблины выскользнули из-под телег. Первый нож пошёл не в человека — в подпругу. Второй — в связку боковых ремней. Пыж перерезал тормозной канат на повозке, которая стояла под уклоном. Телега медленно пошла назад, сначала почти незаметно, потом быстрее. Два солдата попытались удержать её, но не смогли. Повозка развернулась поперёк прохода и перегородила путь отряду, который спешил к центру.

— Нор-р, — прошептал Грымза. — Вот теперь хорошо.

Один из орков-надсмотрщиков заметил их.

— Гоблины!

Он поднял дубину. Грымза не полез под удар. Отскочил за колесо. Орк обошёл телегу — и получил короткий дротик Пыжа в бедро. Яд был несмертельным. Зиг запретил сильные смеси в тесном обозе: заденешь своего — потом объясняй лекарю. Орк сделал ещё два шага, нога подломилась. Грымза выхватил ключи с его пояса. Вот ради них и пришли.

На некоторых носильщиках были не цепи, а шейные деревянные колодки с общим запором — скорее знак контроля, чем настоящая необходимость. Грымза видел такие раньше.

— Эй! — крикнул он ближайшему человеку. — Ключи!

Тот смотрел на него, не понимая.

— Свобода, дурень! Держи!

Он бросил связку. Человек поймал. Несколько секунд просто смотрел на металл. Потом начал отпирать колодки на соседях. Грымза уже резал следующий ремень. Сзади закричали. Охрана возвращалась.

— Всё, нор! Не геройствуем! К камням!

Пыж исчез первым. Остальные отступили между телегами. Грымза увидел ящик с серебряной фурнитурой, который буквально лежал у ноги. Посмотрел. Вздохнул. И побежал дальше. Позже он обязательно расскажет Зигу, какую силу воли проявил. Если выживет.

. . .

Ефросинья увидела, как первый обозный бросился прочь от охранника, который только что потерял дубину и пытался вытащить меч. За ним рванул второй. Третий остался, поднял с земли брошенные гоблином ключи и начал открывать колодки.

Спустя несколько минут вокруг царила сумятица. Куда ни смотрела Ефросинья, люди действовали по-своему: одни прятались под телегами, другие помогали раненому солдату, потому что тот вчера поделился водой. Кто-то ударил надсмотрщика камнем, а кто-то стоял на месте, не понимая, куда идти.

Ефросинью гнали в обозе уже третий месяц; теперь она увидела западный склон и людей со Знаком на предплечьях. Не Лекса. Не знамя. Знак.

Она схватила мальчика лет десяти за руку и потянула.

— Туда.

— Там стреляют.

— Здесь тоже.

Они побежали между телегами. Двое охранников попытались остановить поток. Один крикнул, что приказ Драконова запрещает покидать секцию. Никто не слушал. Второй поднял меч. Ефросинья пригнулась. Мужчина с разбитым носом, которого она знала только как Фому, ударил охранника тележной оглоблей. Меч выпал. Фома посмотрел на оружие. Не поднял.

— Детей вперёд! — крикнул он. — Кто сильный — сзади!

После окрика Фомы люди стали пропускать детей вперёд, а те, кто покрепче, держались позади. Никто не назначал командира, но второй раз объяснять не понадобилось.

На западном склоне стрелки сначала подняли арбалеты. Клык увидел рваную одежду и заорал:

— Не стрелять по обозным! Белая тряпка — пропуск вверх! Передайте ниже!

На такой поток людей условного сигнала не предусматривали. Один из санитаров сорвал с носилок чистую простыню и замахал ею над головой.

— Сюда! Без оружия! К стене!

Люди побежали на белое. Не все дошли. Кто-то попал под случайный болт. Другой мальчик сорвался на мокрых камнях и сломал ногу. Ефросинья вместе с его матерью помогла ему добраться до двух носильщиков Айрин, спустившихся с верхней тропы.

— Раненых сюда! Ходячие — дальше за метку! Не стойте на тропе!

Ефросинья только тогда поняла, что всё ещё держит чужого ребёнка за руку.

— Где твои?

Мальчик показал назад. Там был туман. Ефросинья не отпустила.

. . .

Третьего «Цербера» Демид увидел уже тогда, когда два первых замолчали. Он шёл не через центр. Кто-то у противника, по-видимому, понял, что тяжёлые установки превратились в мишени, и направил последнюю машину по краю, за стеной телег и пехоты. Из тумана сначала показалась плечевая установка, затем голова, потом весь тёмный корпус.

— Дистанция?

Наводчик назвал число.

— Первый оставшийся. По ногам.

«Гром» ударил. Промах. Снаряд взорвался в камне за големом.

— Ещё два, — сказал заряжающий.

— Вижу.

Голем повернулся. Демид понял, что следующий ответный выстрел попадёт в них.

— Откат! Сейчас!

— Но выстрел…

— Откат!

Расчёт потащил орудие назад по направляющим. Белый луч ударил в переднюю позицию, где они стояли несколько секунд назад. Камень вспух паром.

— Вот теперь ставим.

Станина коснулась новых упоров. Проверка. Наводка. Выстрел пришёлся в правую ногу «Цербера». Броня выдержала, но сустав дёрнулся. Голем продолжил идти.

— Последний, — сказал заряжающий.

Демид посмотрел на машину. Потом на второй «Гром». Там после ранения Олафа осталось два выстрела.

— Не мой последний. Передай второй позиции: перекрёстный огонь. Мы держим.

Связной побежал. Третий «Цербер» вышел на участок, где западный глушитель прикрывал маршрут эвакуации. Оператор машины — маг в тяжёлом нагруднике — подошёл слишком близко к зоне и внезапно потерял связь. Кристалл на его рамке погас. Голем не остановился сразу: сделал ещё два шага на локальном протоколе, поднял пушку, но не выстрелил.

— Сейчас! — крикнул Демид.

Два «Грома» ударили почти вместе. Его снаряд попал в уже повреждённый сустав. Снаряд второй позиции — в основание плечевой пушки. «Цербер» развернуло. Он упал на одно колено, опёрся рукой в камень и замер. Кристалл в груди продолжал гореть.

— Не добивать! — крикнул Демид.

— Почему?

— Потому что не идёт!

— А если встанет?

— Тогда добьём последним.

Так у них остался один выстрел «Грома». И один голем, сохранившийся достаточно хорошо, чтобы когда-нибудь стать полезным. Пока это была просто трёхметровая машина, стоявшая на колене посреди боя и способная в любой момент снова решить, что все вокруг — цель. Демид не любил потенциальные трофеи. Они отвлекали.

— Наблюдатель на него! — приказал он. — Остальные — по проходу!

. . .

Перед осечкой Костя несколько раз подряд всё сделал правильно. Торгрим видел, как с каждым удачным движением мальчишка становился увереннее, но заметил самое опасное слишком поздно: тот перестал ждать чужого подтверждения.

После осечки снаряд так и оставался в стволе первой «Крохи». Торгрим держал позицию закрытой, ждал Бруна. Прохор после удара камнем всё ещё плохо слышал и периодически трогал шлем, будто проверял, на месте ли голова. Вторая «Кроха» уже выпустила пятый снаряд. Резервная — четыре. Внизу противник снова пошёл на склон. Брун не приходил. Связной, посланный за ним, не вернулся.

Торгрим принял решение отходить от неисправного орудия.

— Всё. Закрываем позицию. Шестой снаряд забираем. К резервной.

Костя посмотрел на ствол.

— Может, фитиль просто отсырел.

— Может.

— Если вынуть…

— Нет.

— Мы же так оставим целый снаряд врагу.

— Оставим.

Костя сжал челюсть. Они начали переносить короб. И тут со стороны прохода прилетел магический разряд. Не прямой удар. Волна давления прошла по террасе, опрокинула Костю, сдвинула короб и выбила из руки Торгрима сигнальную палочку. Костя упал рядом со стволом. Увидел, что из казённой части идёт тонкий дым.

— Торгрим!

Дворф обернулся.

— Отойди!

Но Костя услышал не всё. Правое ухо после предыдущего разрыва звенело. Ему показалось, что Торгрим кричит про запал. Он сделал худшее из возможного: схватился за рукоять аварийного выброса.

— Не трогай! — заорал Торгрим.

Костя дёрнул. Механизм должен был выталкивать незаряженный корпус при обслуживании. С боевым снарядом внутри его никто не проверял и проверять не собирался. Ствол щёлкнул. Дым исчез. Торгрим на мгновение решил, что обошлось. Потом запал сработал.

Торгрим успел только отвернуться. Взрыв разорвал казённую часть. Не огромный шар огня, как в страшной сказке. Короткий белый удар, металл, камень и воздух одновременно. Торгрим почувствовал, как мир исчезает в звоне. Его бросило на стену. Прохор оказался за коробом и получил осколки в спину, но дерево приняло большую часть. Костя стоял ближе всех. Когда Торгрим снова смог видеть, Костя лежал у края террасы, ноги неестественно вывернуты, в животе торчал кусок металла. Глаза были открыты.

— Костя!

Торгрим пополз к нему и только через несколько секунд понял, что сам не слышит собственного голоса. Костя попытался что-то сказать. Кровь выступила на губах. Торгрим не стал вытаскивать осколок. Даже сейчас помнил. Прижал вокруг ткань. Показал Прохору рукой вниз — санитаров. Тот понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.